

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 MARS, 1937

LES COSAQUES LIBRES

Xe Année

10 МАРТА 1937 г.

216

10 БЕРЕЗНЯ 1937 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 10-й

РІК ВІДАННЯ 10-ий

М. Буга

Содержание:

1. Сергей Чепурный: Далекому Краю.
2. Ив. Коваленко (Скубани): Перед зеркалом.
3. Ходькевич - Сапсай: Кубань моя, Ненько моя...
4. Николай Лапкин: Сон.
5. Повторяли, повторяем
и будем повторять.
6. Трагедия Казачества.
7. В. П. Елисейев: «Pulvis, cinis et... nihil».
8. Свящ. Д. Чирской: Мои беседы с казаками.
9. Еф. Якименко: Перед первым походом.
10. Н. Кузнецов: О денационализации казачьих детей.
11. Я. Дулимов: Украинцы о казаках.
12. Казачья эмиграция.

Почтовый ящик:

Брюссель. Г. Р. — Все получено. В следующем номере будет напечатано. Привет.

Кральево. Е. К. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Монтуа. И. А. — Получено. Будет напечатано. Привет.

Эжойи. Е. К. — Будет напечатано. Привет.

Ниш. И. Ф. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Валянс. В. — Получено. Спасибо. Привет.

Труа. И. Г. — Спасибо. Привет.

Крезю. П. В. — Получено. Привет.

Тулуза. И. Х. — Получена. Спасибо. Привет.

Ромба. Ф. К. — Получено. Спасибо. Привет.

Южин. К. Г. — Получено. Спасибо. Привет.

Кнотанж. С. — Получено. Привет.

Южин. Р. — Получено. Привет.

Альби. С. — Получено. Привет.

Валаконье. С. Л. — Приговор № 1 будет напечатан в следующем номере. Привет.

Луцк. Ф. Ш. — Корреспонденция из Томашувки будет помещена в следующем номере. Привет.

Нью - Йорк. М. Г. — Спасибо. Привет.

РОЗЫСК

Разыскиваю Евгения Петровича **Погожева**, который в 1924 году был еще в Румынии. Откликнуться по адресу: *W. P. M. Pogozew, Wladowa, 2. Os. Tomaszowska, pow. Brzesze n/b. Pologne.*

Гавриил Трофимович **Абрамцев**, ст. Ханской, просит откликнуться брата Петра Андреевича **Абрамцова** и Алексея Карповича **Абрамцова**, а также и станичников — по адресу: Кральево, хотел Задужбина, Югославия.

НУЖНА ПОМОЩЬ

В городе Труа умер в казак **А. А. Филимонов**, оставив вдову и трех сирот без всяких средств.

Настоящим я обращаюсь ко всем в казакам с просьбой помочь сиротам - казачатам.

Пожертвования направлять на имя казначея нашего хутора подх. Г. К. Алейникова по адресу:

M-eur Aleinikoff, rue des Chartreux pr., Troyes (Aube), France.

Атаман ВК хутора «Черный Всадник»:

Хор. Орлов.

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очек на тему: Казачество и Россия)

ЧАСТЬ III.

(ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1919)

ВЫШЛА ОТДЕЛЬНЫМ ИЗДАНИЕМ.

ЦЕНА во Франции — 20 франков, в Чехословакии — 30 кр., в Югославии 50 динар, в Болгарии — 100 лева, в Румынии — 100 лей, в Германии — 3 марки, в Польше — 5 злотых. В других странах — 1 америк. доллар.

Каждый вольный казак должен иметь при себе эту книгу

Братья казаки, дружной покупкой III части помогите выпустить следующую — IV часть.

Первая часть «Тр. Казачества» разошлась вся. Вторая часть еще есть, но не много. Стоит она 10 франков.

НЕКАЗАЧЬЕ В „КАЗАЧЬЕМ ДЕЛЕ“

Вышел 11-й номер «Казачьего Дела» (март, 1937) — органа «Лиги Возрождения Казачества».

Извещая казачий мир об изменении программы «Л. В. К.» (выброшено примечание, говорившее о возможности вхождения Казачьих Земель в состав Российского государства), глава «Лиги», Г. И. Карев, старается доказать:

1. Какой он умный был, когда уже в 1919 году «стоял на самостоятельной точке зрения». 2. Каким прозорливым он был, когда двенадцать лет после того стал самостоятельным условием, и 3. Каким большим «тактиком» является он сейчас, выбрасывая из программы «Л. В. К.» «совершенно невинное примечание» и становясь, как будто, снова на самостоятельный путь.

Одновременно, очевидно для сравнения и для того, чтобы подчеркнуть свое собственное превосходство и лучшее положение в прошлом дел на Дону, чем на Кубани, г. глава «Лиги» «кивает» на «тактические ошибки» кубанцев дома и «повторение их» («тактических ошибок») «еще более в грубой форме» Вольно - Казачьим движением за границей.

Не будем отвечать в данном случае г. Кареву. Мы — сторона заинтересованная, как и он, и думаем о себе гораздо лучше, чем думает о нас он, а о нем — тоже иначе, чем думает он о себе. Поэтому, предоставим су-

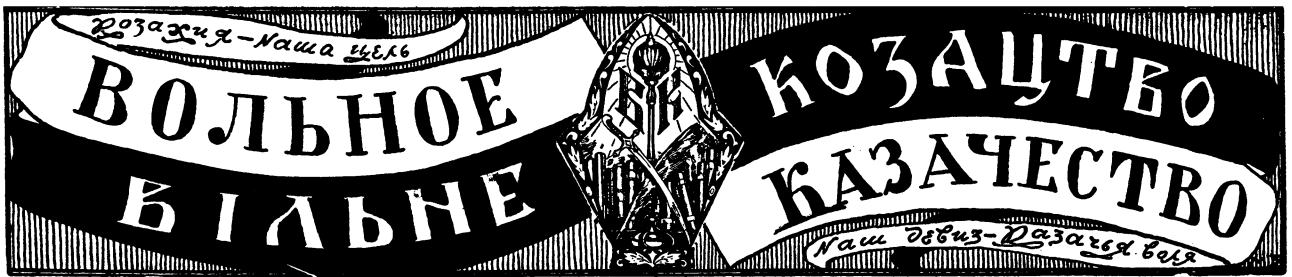
дить обо всем этом казакам — пусть судят и, по суду своему, поступают: идут в «Лигу» или в ВК. (На всякий случай предупреждаем, что ловкостью г. Карева ходить по зигзагообразным путям мы не отличаемся).

Должны все же подчеркнуть, что элементы неопределенности и теперь еще не исчезли из программы «Л. В. К.» (очевидно, для свободы дальнейшего маневрирования «тактикой»). Так, в одних местах говорится о «создании своего независимого Казачьего Государства» (на мерено, очевидно, не говоря о том, идет ли речь о Доне только, или об одном объединенном казачьем государстве), а в других местах утверждается, что «казачий вопрос может быть разрешен только путем создания казачьих независимых республик» (намеренное раздробление казачьих сил, в каковом случае казаки, конечно, дела своего не выиграют).

Наш строгий судья на этот раз разоткровенничался более, чем сам, вероятно, того хотел. И, критикуя других, невольно приоткрыл немного завесу и над собой: на странице 11-й читаем следующие строки:

«Чтобы добиться успеха, нужен шум, а чтобы произвести шум, нужны деньги».

— Ну кто же не узнает в этих словах вечно постоянного в своем непостоянстве г. главы «Л. В. К.»?

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 109, rue Erlanger, Paris (16e)

№ 216

Среда 10 марта 1937. — Среда 10 березня 1937.

№ 216

Сергей Чепурной.

Далекому Краю

Вот Кубань родная! Нет, ты не забыта!
Хутора, курганы в мареве видны.
Вижу лес и горы, скалы из гранита,
Слышу песнь меж ними Терека волны.

Вот и Дон могучий! Старший брат «хохлуш-
ки»,

В берегах ковыльных он шумит волной.

Вот лесов уральских вижу я верхушки!

И во всем чудится дремота - покой.

Все будто на месте — средь садов загложших

Спрятались станицы. Тишина стоит —

Будто не бывало дней кровавых прошлых...

Все мираж туманный! — сердце говорит...

И, как в детской сказке, с замыслом красивым

В шапке - неведимке вечно бы парил

Над тобой несчастным, вот теперь любимым!...

.....

Неумело раньше я тебя любил...

Ты прекрасен, Край мой, но душа из'ята —
По лесам и странам странствует она...
Жутко раздаётся смех пришельца-ката,
Горькая разлука нам судьбой дана.

Чуден ты в оковах и в венке терновом —

Велики страдания от его шипов!

Но настанет время и в другом — лавровом!

Будешь ты прекраснее на веки веков...

... Если-б были крылья птицы перелетной.

(Ведь не преступление — помечтать с собой!)

Я-б поспорил с нею — вольной, беззаботной —

Улетел - умчался бы в Край далекий мой.

Пв. Коваленко (Скубани).

Перед зеркалом

Что вздохнул, казак, видя в зеркале
Лица бледного, будто воск, черты?
Иль жаль, что жизнь исковеркали
И о юности вспоминаешь ты?
Иль, заметивши серебристые
Волоски в усах, на худом виске,
В тебе ожили дни лучистые,
Проведенные на Кубань - реке?
Как случалось, ты с кубанцами
Новый год встречал, что твой знатный князь,
Всю - то ночь был пир, да и с танцами,
Песня вольная до зари неслась.
Аль представилось на мгновение,
Как на святках шел ты в кулачный бой,
Как ребят водил в «наступление»,
«Неприятеля» бил своей рукой?

Силой мощною грудь вздымалася.
Крикнешь: «Стой, не бойсь!» Шевельнешь плечем,

И цепь «недругов» расступалася
Перед опытным, удалым бойцом...
А теперь не то, — на чужбинушке
Безотрадные день за днем идут,
Нет у молодца прежней силушки
Загубил ее непосильный труд.
Но грустить, мой друг, все ж не следует,
Сердца бедного не волнуй, не мучь...
Что в грядущем ждет — Бог лишь ведает,
Может быть, вот - вот вспыхнет Воли луч.
Не гляди - ж, казак, в гладь зеркальную,
С мрачной думой перед ней не стой, —
Верь, придет пора, жизнь печальную
Позабудешь ты в Стороне родной...

Ходькевич - Сатсай.

КУБАНЬ МОЯ, НЕНЬКО МОЯ...

Писав колись славний Тарас,
Безсмертний Шевченко
Про свою нещасну Матір
Україну — Неньку:
«Україно, Україно,
Ненько моя, Ненько!
Як згадаю тебе, краю,
Зав'яне серденько!
Де поділось козацтво,
Червоні жупани?
Де поділась доля - воля,
Бунчуки, гетьмани?«...
Отак і я хочу писать,
Як писав Шевченко,
Про свою Кубань кохану,
Нашу рідну Неньку:
Кубань моя, Кубань рідна,
Мій нещасний Краю!
Тяжко - важко болить серце,
Як тебе згадаю!
Де ти, славне наше Військо,
Полки з корогвами,
Де багатство, слава, воля,
Станиці з церквами?
Де ви, славні отамани,
Батьки з булавою,
Що вели усе козацтво
Вперед за собою?
Що не дуже були вчені,
Тільки ази знали,
А багачко для Кубані
Ви добра придбали.

Що потроху та помалу
Чуда наробили:
Кубань перед цілим світом
Славою покрили;
Бо в степах пустих і диких,
Де трави шуміли,
Де од-віку терни росли
Та вовки ходили,
Там вирости, мов із землі,
Веселі станиці,
А в станицях гарні церкви —
Високі дзвіниці;
Та великі, білі хати,
Та усякі школи,
А по степах розкинулись
Залізні дороги...
Де ви, славні отамани,
Батьки з булавами?
Де ти, славне наше Військо,
Полки з корогвами?
Де багатство, честь і слава,
Веселі станиці,
А у дворах скрізь винбарі,
Повні всі пшениці?
Де свобода, сміх і співи
На вольній Кубані,
Що уся цвіла красою,
Мов пишная пані?
Немає вас! Прийшов ворог,
Запалював станиці,
Попалив, порушив хати,
Церкви і дзвіниці.

Забрав хліб, скотину, коні
І все те багатство,
За сто років що придбало
Трудове козацтво...
Кубань моя, Ненько моя,
Раю мій прекрасний!
Рідний народ мій козацький,
Народе нещасний!
Потерпи ти ще хоч трохи,
Трошки — небагато:
Прийде скоро і для тебе
Великоднє свято.
Нехай чужа заздрість люта
Гуляє — панує,
Кусь тобі важкі пута
Та тюрми мурнє;
Ось прийде край... Вже не довго
Тут їй панувати,
Скоро бісову невіру
Виженем із хати!
Козак щирий не злякався
Пекельного руху,
А в неволі більш придбає
Козацького духу;
А з ним разом підніметься
Дон та Україна
Увесь Терек, Закавказзя,
Як і Грузини;
Та всі гуртом добудемо
Для свого народу
Усі землі, честь і славу
И велику свободу!

Николай Ланкин.

С О Н

Ночью снился мне сон:
Будто голос родной
Пел «о вороне» песню старинную.
Песнь надрывна, как стон, —
Будто ветер степной
Гнал по прихоти стаю орлиную.
Сжалось сердце от мук...
Заболела душа...
К Богу слов не найдя примирительных,
Я проклятия звук
Лишь издал невзначай,
Как послышался клекот внушительный...
Поднял взор и без слов
Я в лазури узрел
Тучу воронов черных и дерзностных
И двенадцать орлов:
На подобие стрел
Те в тьму черную с криком врезались...
И посыпался пух
По родимой степи,
Дождя каплями кровь заструилась...
Затаив в себе дух,
В небо взор свой я впил...
Сон и явь в одно будто бы слился...

И как будто б не к месту —
Картиной былой,
Что уж тридцать пять лет как случилась,
Мне представилось детство
(Сюжет забытой):
Нюрка Власова, «щеряся», свилася.
Это было давно :
Мне купили коня
Из «картонки» совсем золотистого.
С ней, стащивши на Дон,
Среди белого дня
Мы купали коня «норовистого»...
Чисто вымыв его,
Мы заметили вдруг
В «пузе» стружки и дырки явились.
Но не подняли рев,
Только детства мой друг
В тот момент Нюрка, «щеряся», свилася..
Рассмеялся во сне...
(Чорт бы Нюрку побрал!)
— Ты чего, сатана, ухмыляешься? —
— «Ты ослеп, али не?» —
Ответ слышу: «Кагал
Воронья, вишь, вниз к яру спускается?»...

— Ну, дык штож тут такой? —
 Отвечаю во сне
 (Скептик стал, — в жизни что не случается).

— «Ей, дурак ты какой,
 Колька», — слышится мне,
 — «Казаки в Родной Край возвращаются,
 А двенадцать Орлов —
 То двенадцать «Войсков» —
 Они дружной семьею орлиною,

Победив воронье —
 Чужеземных «ваньков»,
 Создают Казакию единую»...
 Пробудился от сна...
 Предо мною Янак —
 Друг «братушка» стоит ухмыляется,
 А другой из окна,
 «Щерясь», кличет: — «Казак,
 Погляди, как зима разоряется!...».

Повторяли, повторяем и будем повторять:

Настоящие и будущие судьбы всех Казахских Войск одна с другой переплетны, одна с другой неразрывно связаны и одна от другой тесно зависят как переплетены были, как связаны были казачьи боевые силы в прошлом на фронте против общего врага, и как успех или поражение одного Войска тесно зависел от успеха или поражения других Войск.

Казачьи исторические судьбы одинаковы. Удел одного Войска — одновременно и удел каждого иного. Не будет счастливого Дона, если будет несчастной Кубань. Не будет свободной Кубань, если не будет свободным Терек. Не будет свободным Терек, если Астрахань будет в ярме...

Или все Казачьи Войска — от Дона до Яика — спасутся общими силами, собравшись вместе в одном Казахском Государстве — Казакии, или каждое Войско погибнет порознь.

Ни одно Войско, даже наиболее сильное, не может сейчас решить своей судьбы независимо от Войск других. Каждое самостоятельное, не связанное и не зависимое от решений иных Войск, действие и решение любого Войска ведет неизменно к поражению, к конечному проигрышу казачьего дела.

А проигрыш и поражение ведут всегда в одно и то же место — в лоно Единой и Неделимой.

ВК проповедует программу освобождения и казачьей государственной самостоятельности.

ВК пробуждает у казаков свое казачье национальное чувство и воспитывает у них свое национальное самосознание.

ВК собирает под свои знамена — около своей программы — только казачьих патриотов.

ВК воскрешает славную седую старину казачью, но еще больше думает о казачьем будущем.

ВК готовится к казачьей национально - освободительной борьбе — одинаково, как на фронте внутреннем, так и на фронте внешнем.

Конечная цель Вольного Казачества — создание из освобожденных Казахских Войск объединенного казачьего государства Казакии.

По дороге к ней — все иные казачьи действия и задачи должны быть подчинены цели основной и конечной.

Конечная цель, поставленная перед Казачеством его национальным авангардом — ВК, — задача большая, сложная, трудная и ответственная, задача — прежде всего — *политическая*, задача современной казачьей политики внутренней и внешней (международной).

Эту величайшую в казачьей истории задачу Казачество может выполнить только при напряжении всех своих сил — моральных и физических.

Для успешного решения стоящей перед Казачеством ближайшей политической задачи нужна не только мобилизация казачьих сил, не только напряжение их, но и надлежащая их организация, а главное — целесообразное их использование. Никакая, даже самая наименьшая часть казачьих национальных сил не должна быть растратчена напрасно. Все они должны быть собраны в один кулак и действовать тот кулак должен в первую очередь на основном, на главном направлении против главного, против самого опасного противника.

Если для достижения поставленной ВК цели — для решения и исполнения большой исторической задачи — нужна организация казачьих националистов в одном кулаке, то не менее важным и существенным является и вопрос возглавления этого кулака.

Единству всех казачьих национальных сил нужно *единое политическое командование*.

Если казаки поймут все это во-время, будущее Казачества будет обеспечено и это будущее будет лучшим, чем его настоящее.

Если же нынешнее казачье поколение не поймет своего положения, не поймет стоящих перед ним задач и своей роли в них, оно оставит своим будущим поколениям решение задачи еще более тяжелой, чем стоящая сейчас перед нами.

Казаки, вы должны сейчас удвоить и утроить, а если где нужно, то и удесятерить свою энергию, чтобы мы не только приняли участие в надвигающихся событиях, но и добились в них своего, чтобы мы еще нашими глазами увидели торжество казачьего национального дела —

казачью землю освобожденной, а Казачество свободным и собранным в своем самостоятельном казачьем государстве — К А З А К И И.

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть IV.

(Январь — май 1920).

Глава XII.

Переход советских армий в наступление 1-го февраля. — Контр-меры Донского командования. — Директива Нр 0456. — Действия конной группы ген. Старикова. — Разгром конницы Гая и 28 стр. дивизии. — Организация советской ударной группы войск в районе Торговой. — Трагедия 4-го Донского Корпуса и ее последствия.

Схема 4.

Согласно директивы командующего советским фронтом Тухачевского, отданной 30 января 1920 г. (глава XI), армии этого фронта должны были перейти в общее наступление 1-го февраля (Схема 3).

Фронт по правому берегу р. Дона, от устья р. Маныча до Азовского моря, протяжением около 70 верст по воздушной линии, занимала 8-я сов. армия коммуниста Ратаевского. Согласно данным штаба Донской армии, на 1 февраля в 8-й армии было 23.500 штыков и 1.300 сабель при 125 орудиях.

Против этой армии фронт занимали: от г. Азова до Батайска (включительно) Добровольческий корпус, на 1 февраля имевший 6.425 штыков, 2.509 шашек (с Кубано - Терским сводным корпусом ген. Агоева) при 101 орудии и 881 пулемета, а в тыловых командах было 3.285 воинов. Фронт от ст. Ольгинской (включ.) до района ст. Манычской (включ.) занимал 3-ий Донской корпус ген. Гусельщикова силою в 6.360 штыков, 5.881 шашек при 66 орудиях и 275 пулеметах, а в командах и тыловых учреждениях было 4.554 казака. В Добровольческом и в 3-м Донском корпусах было 12.785 штыков, 8.390 шашек, а всего 21.175 бойцов, при 167 орудиях, 656 пулеметах и в командах разного назначения было 7.839 душ.

Из сравнения данных о силах противников на этом фронте видим:

красные	23.500 шт.	1.300 шаш.	125 оруд.
«белые»	12.785 шт.	8.390 шаш.	167 оруд.
	и в командах 7.839.		

Большевистская пехота почти в два раза превосходила пехоту казачью, за то казачья конница в несколько раз превосходила красную конницу (полагая, что данные Штаба Донской армии о числе шашек в 8-й сов. армии значительно расходятся с действительностью — большевистской кавалерии было больше на этом фронте; согласно большевистским данным, на 17 января 1920 г. 8 арм. имела 15.260 штыков и 4.120 шашек; не может быть, чтобы за время с 17 до 31 января число красных кавалеристов так сильно упало — с 4.120 до 1.300).

С утра 1-го февраля 8-я сов. армия перешла в наступление по всему фронту. На участке фронта Азов — Батайск красные захватили было на южном берегу р. Дона селение Кулешовку, но к вечеру были оттуда выбиты частями Добровольческого корпуса. Вообще же наступление красных на фронте Добровольческого корпуса отличалось неуверенностью и потому сравнительно легко было отбито. Ночь с 1 на 2 февраля на фронте Добровольческого корпуса прошла спокойно.

Значительные силы пехоты и конницы 8-й сов. армии с утра 1-го февраля повели наступление со стороны Нахичеванской и Аксайской переправ и со стороны ст. Старочеркасской — на ст. Ольгинскую и со стороны х. Краснодарского на х. Алитубский. К вечеру этого дня красные заняли ст. Ольгинскую и хутора Подольские и Алитубский, принудив части 3-го Дон. корпуса на этом участке отойти к хут. Тацинскому и ст. Хомутовской.

В районе ст. Манычской в этот день красные держались пассивно. Таковы были результаты 1-го дня наступления 8-й сов. армии.

Фронт по р. Манычу от устья вверх до района х. Шара - Булацкого занимала 9-я сов. армия коммуниста

Степина, в которую входил конный корпус Думенко. В этой армии, вместе с корпусом Думенко, на 1-е февраля числилось 11.300 штыков, 4.900 шашек при 87 орудиях (данные штаба Дон. армии).

Согласно данным штаба Дон. армии против правого фланга Донской армии действовали правофланговые части 10-й сов. армии, силы которых на 1-е февраля те же данные определяют в 5 тысяч штыков и 2.300 шашек при 25 орудиях. Что касается числа штыков, то донские данные, вне сомнения, не соответствовали действительности: действовавшая на Донском фронте 28-я стрелковая сов. дивизия 10-й сов. армии насчитывала на 1-е февраля всего 1.510 штыков (Майстрах, Маныч - Егорл. — Новороссийск).

Если к вышеприведенным данным о боевом составе 9-й сов. армии на 1-е февраля прибавим данные о силе правофланговых частей 10-й сов. армии, действовавших на Донском фронте, получим:

9-я сов. армия 11.300 шт. 4.900 шаш. 87 ор.
из 10-й сов. » 1.510 шт. 2.300 шаш. 25 ор.

Всего 12.810 шт. 7.200 шаш. 112 ор.

1-го февраля против этой армии действовали: 2-й Донской корпус ген. Познышева (врем. командовал), 4-й Конный Дон. корпус ген. Павлова (командир этого славного корпуса — ген. Мамонтов 1-го февраля умер в Екатеринодаре от сыпного тифа) и большая часть 1-го Донского корпуса ген. Алексева. На 1-е февраля эти корпуса имели:

Команды:

2-й Дон. к. 1850 шт. 6.193 шаш. 35 ор. 78 пул. 1.787 каз.
4-й Дон. к. — 9.179 шаш. 21 ор. 123 пул. —
1-й Дон. к. 3.285 шт. 3.086 шаш. 26 ор. 134 пул. 500 каз.

Всего: 5.135 шт. 18.458 шаш. 82 ор. 335 пул. 2.287 каз.

Сравнив силы советских и Донских бойцов на р. Маныче на 1-е февраля 1920 г. получим:

Красные силы 12.810 шт. 7.200 шашек 112 оруд.
Казачьи силы 5.135 шт. 18.458 шашек 82 оруд.

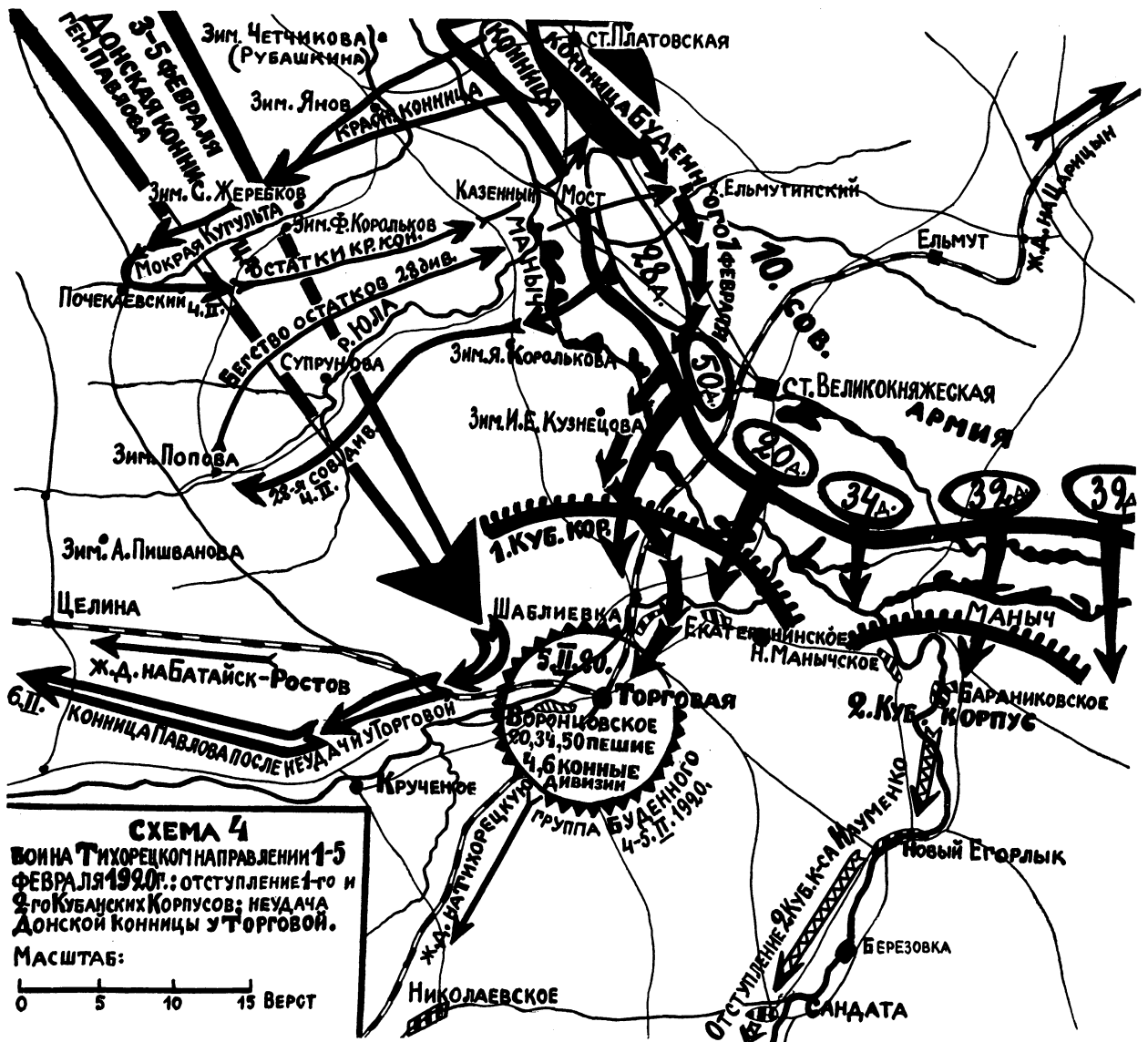
Т. е. красная пехота численно в два раза превосходила казачью пехоту, зато казачья конница в два с половиною раза была сильнее конницы большевистской.

Как мы знаем, с 14 января на фронте 9-й сов. армии действовала также Конная армия Буденного. Несмотря на это, итоги боевых операций на р. Маныче в течение всей второй половины января были плачевны для большевиков.

В самом конце января конная армия Буденного была снята с фронта 9-й сов. армии и передвинута на юго-восток, сначала на стык Кубанской и Донской армий. Уход десяти тысячной конной армии Буденного с фронта 9-й армии сразу ухудшил положение этой последней.

Это обстоятельство предопределило исход боевых операций, наступивших в феврале на фронте 9-й сов. армии.

Согласно директивы командующего красным фронтом Тухачевского и эта армия должна была перейти 1 февраля в самое решительное наступление через р. Маныч. Однако, в этот день только правофланговые части 9-й армии в районе хут. Княжеско - Леоновского проявили слабую попытку к переходу в наступление, которое легко было отбито казаками. Далее на юго-восток от этого хутора до хутора Садковского, на участке длиною около 30 верст, 9-я армия совершенно без-

действовала. И только в районе хуторов Хирного и Жеребкова около двух полков конницы красных обозначило наступление на х. Казачий — Хомутец.

В общем же, 9-я сов. армия не выполнила директивы Тухачевского и в наступление 1-го февраля не перешла.

Совсем иную картину представлял фронт 10-й сов. армии коммуниста Павлова (однофамилец временно командовавшего 4-м Донским конным корпусом ген. Павлова), которая 1-го февраля перешла в решительное наступление всеми своими дивизиями: конная дивизия Гая и 1-я Донская (Хоперская) див. в районе зимовника Рубашкина (Четчикова) — зим. Янова; 28-я стрелковая дивизия на зим. Я. Королькова — зим. М. Кузнецова; 50-я стр. див. — на Шаблиевку к северу от полотна железной дороги Великокняжеская — Торговая; 20-я стр. див. — вдоль жел. дороги на сел. Екатерининское — Торговая; кавалерийская бригада — в обход Торговой с юга; 34-я стр. див. — на Ново-Манычское; 32-я стр. див. — на Бараниковское — Нов. Егорлык; 39-я стр. див. действовала в районе Копани Сладкие — Это-Ханское (Схема 4).

Как сказано выше (глава XI-я), 10-я сов. армия в это время имела свыше 26 тысяч бойцов. Кроме того, за правым флангом этой красной армии, как отмечено было уже выше, в районе ст. Платовской к 1-му февраля была сосредоточена вся 1-я Конная сов. армия, согласно советским данным насчитывавшая свыше 9-ти тысяч шашек. К глубокому сожалению, ни Донское командова-

ние, ни ген. Деникин не приняли соответствующих мер для того, чтобы своевременно произвести необходимую перегруппировку казачьих сил фронта с целью парализовать на новом месте удар Конной армии Буденного.

Передвижение Буденного из района Ростова — Нахичевани в район устья р. Маныча, как мы знаем, вызвало перемещение на восток 4-го Донского корпуса — на р. Маныч. Совершенно естественно, что дальнейшее передвижение красной конницы на юго-восток — в район ст. Платовской — ст. Великокняжеской — неизбежно должно было вызвать соответствующее перемещение 4-го Дон. конного корпуса. Соотношение красных и казачьих сил на фронте 9-й армии на 1-е февраля позволяло антибольшевистскому командованию, без особого ущерба для обороноспособности этого участка фронта, совершить эту крайне необходимую перегруппировку казачьих сил, вызывавшуюся насущнейшими интересами всего фронта. Разумное, целесообразное и своевременное использование наличных сил казачьего фронта в полной мере обеспечивало тогда новую казачью победу, которая могла быть началом освобождения всей Казачьей территории от армий красных завоевателей: неизменно стойкие и доблестные 3-ий Донской и Добровольческий корпуса справились бы с 8-й сов. армией на р. Доне, храбрые 2-й и 1-й Донские корпуса не допустили бы перехода через р. Маныч пехоты 9-й сов. армии и конного корпуса Думенко, а Кубанская армия, поддержанная славным 4-м Донским корпусом ген. Павлова и доблестными правофланговыми частями 1 Донского к-са — 14 конной бригадой и 18 конным

полком, разбил бы 10 и конную сов. армии в районе Великокняжеская — Торговая.

Кубанская (Кавказская) армия в двадцатых числах января сама справилась с 10 сов. армией, стремившейся перейти р. Маныч. Если к 1-му февраля 10 сов. армия была значительно усилена влитием в боевую линию трех резервных красных дивизий, то и Кубанская (Кавказская) армия была усилена 2-м Кубанским конным корпусом, к 26 января прибывшим на фронт Кубанской армии. Ожидался выход на фронт и 3-го Куб. корпуса.

Верховный круг передал власть Ленинину, а этот последний не справился с той миссией, которой так добивался, ведя упорную, не стеснявшуюся никакими средствами, борьбу против казачьей самостоятельности.

Конная армия Буденного, согласно директивы Тухачевского, отданной 30 января, должна была наступать по линии ст. Платовская — селение Средне - Егорлыкское, т. е. на юго - запад. Однако, Буденный, утром 1 февраля выступив со своей авангардной 4-й дивизией из ст. Платовской, **направился прямо на юг** по большой дороге и через хут. Ельмутовский к вечеру того дня подошел к Шаблиевке с северо - востока. Вслед за 4-й дивизией шли 6-я и 11-я конные дивизии армии Буденного (схема 4).

Таким образом, уже в первый день наступления 10 сов. армии Конная армия Буденного выходила на фронт группы ударных дивизий 10-й армии. Эти дивизии с фронта прикрывали передвижение Конной армии, а последняя усилила эти стрелковые дивизии. Получилось весьма удачное сложение конных и пеших сил на железной дороге, ведущей из Царицына на Тихорецкую, с Поволжья на богатую Кубань.

Воспользовавшись тем, что сильные морозы сковали озера и болота Манычской долины, дивизии 10-й армии утром 1-го февраля без особых затруднений перешли эту долину в районе Великокняжеской и на левом берегу Маныча вступили в бой с частями 1-го и 2-го Кубанских корпусов.

Главный удар наносили 50, 20, 34 и 32 стрелковые дивизии и кавалерийская бригада, насчитывавшие около 13 тысяч бойцов, на фронте Шаблиевка — Екатерининское — Ново - Манычское - Бараниковское, длиной 20 — 25 верст.

Как свидетельствует бывший командир 20 сов. дивизии Б. Майстрах, в этот же день, только несколькими часами позже, в наступление перешла и Кубанская армия: часть казачьей конницы переправилась через Маныч на северный берег с целью захвата ст. Великокняжеской в то время, когда советские дивизии ударной группы уже переправились на южный берег и завязали бой с Кубанскими пластунами у сел. Екатерининского. Встреченная сильным орудийным и пулеметным огнем казачья конница принуждена была отступить на южный берег Маныча в район сел. Ново - Манычского.

На всем фронте от Шаблиевки до Бараниковского между Кубанскими казаками и советскими дивизиями завязался весьма упорный орудийный, пулеметный и ружейный бой. Ново - Манычское и Бараниковское занимал 2-й Кубанский конный корпус ген. В. Науменко. Против этого корпуса сосредоточенно наступали 34 и 32 стр. красные дивизии — около пяти с половиною тысяч бойцов. После жаркого боя к вечеру 1-го февраля части 2-го Куб. корпуса принуждены были оставить оба эти селения и отступить на сел. Новый Егорлык, т. е. отойти верст на 10 - 12.

Селение Екатерининское защищали Кубанские пластуны, оказавшие упорное сопротивление 20 сов. дивизии конной бригаде красных — около четырех с половиною тысяч бойцов. Все же к вечеру сел. Екатерининское оставалось в руках пластунов.

Только ночной атакой и охватом этого селения с правого фланга и с тыла, после ожесточенного боя на улицах, большевикам удалось захватить это селение.

50-я стр. дивизия — 3.000 штыков — целый день упорно, но безуспешно наступала вдоль полотна железной дороги на Шаблиевку. К ночи в распоряжение 50-й дивизии, неожиданно для нее, подошла головная 4-я конная дивизия Буденного, вместе с Буденным и его штабом (3.900 шашек, согласно большевистским данным).

И только совместными усилиями конных и пеших

большевистских частей, после ночного боя, длившегося до 5-ти часов утра, большевикам удалось захватить Шаблиевку (данные из дознания Буденного штабу Кавказской красной армии).

В центре 10-й сов. армии — в Шаблиевке — Екатерининском — Ново - Манычском — Бараниковском в ночь под 2-е февраля сосредоточились 50, 20, 34 и 32-я стрелковые дивизии, конная бригада и 4 конная дивизия, в общем представляя из себя кулак в 17-ть тысяч бойцов.

2-го февраля вся эта группа отдыхала, поджидая подхода остальных двух дивизий Конной армии. Не спеша, с остановками для отдыха, из района ст. Платовской передвигались 6-я и 11-я дивизии Буденного.

Обратимся к правофланговым частям 10-й армии. 1-го февраля 28-я стр. дивизия этой армии, выступив из х. Ельмутинского, перешла Маныч, захватила зимовники Я. Королькова и И. Кузнецова, в 20 - 15 верстах севернее Шаблиевки, и наступала далее на запад долиною р. Юлы.

Правофланговая конница 10-й армии — дивизия Гая и 1-я Донская (Хоперская) сов. див., перейдя 1-го февраля р. Маныч, выбила Донцов из зим. Янова и продвигалась далее на юго - запад долиною р. Кугульты.

Самая левофланговая 39-я стрелковая сов. див. 10-й армии продвигалась по Ставропольской губ. в юго - западном направлении.

Таким образом, вследствие недопустимого игнорирования «белым» командованием Тихорецкого направления, вследствие желания некоторых генералов «пустить Буденного на Кубань», 1-го февраля 10-я сов. армия всеми своими дивизиями перешла р. Маныч и укрепились на ее левом берегу. В центре этой армии сосредоточивалась Конная армия Буденного.

Приходилось спешно искать выход из создавшегося грозного положения...

Только вечером 1-го февраля, «дополнительно по выяснении обстановки», командующий Донской армией ген. Сидорин отдал командирам 4-го Конного ген. Павлова и 1-го Донского корпусов распоряжение:

... «После полудня 1-го февраля обнаружилась главная масса конницы противника (корпус Буденного, див. Гая и Уральская бригада) на левом берегу Маныча, наступаая в общем на Торговую... Корпус Думенко, занимающий район хуторов В. и Н. Солоних, повидимому, прикрывает эту операцию...

Приказываю:

1) Комкору 4-го Донского, **разбив** корпус Думенко, оставить небольшой заслон с севера, а главными силами двинуться в восточном направлении **для окружения и уничтожения главной конной массы противника;**

2) 1-му Дон. корпусу контр - атакой с запада и Кубанской армии с юга (о чем командующий Донской армии просил командующего Кубанской армии) оказать 4-му корпусу полное содействие».

Ген. Деникин, еще не понимая, что в действительности произошло 1-го февраля на Великокняжеском направлении, приказал командарму Кубанской армии «оказать всемерное содействие Донской армии в ликвидации Великокняжеской группы противника».

В этот день 4-й Донской конный корпус находился на левом берегу р. Маныча в районе хут. Жеребкова — х. Веселого и х. Платовского, т. е. на расстоянии 70 — 100 верст от Великокняжеской — Торговой. При чем, согласно вышеприведенной директивы ген. Сидорина, этот корпус сначала должен был разбить конный корпус Думенко, находившийся за р. Манычем.

В 6 часов 30 минут утра 2-го февраля части 4-го корпуса приступили к переходу через реку Маныч у вышеуказанных хуторов — 4-я див. у Жеребкова, 9-я у Веселого и 10-я у Платовского и далее **направились в обхват** хуторов Верхнего и Нижнего Солоних, где находился конный корпус Думенко (схема 2).

«Густой туман», доносил командир 4-го к-са ген. Павлов, «держался до 14-ти часов, мешая наблюдению и связи, вследствие чего маневр, рассчитанный на окружение, не вполне удался, ибо части вышли к намеченному пункту не одновременно; противник выбит из хуторов Жеребков, Садковский, Спорный, Солоних и после упорного боя отошел в направлении на Ажинов, Куди-

нов (т. е. к реке Дону — в направлении Новочеркасска). В бою со стороны красных участвовал корпус Думенко, конная бригада Блинова и части 23 стр. дивизии. Нами взято 5 пулеметов и 150 пленных».

Таким образом, корпус Думенко ускользнул из крепких рук 4-го корпуса, отделавшись незначительными потерями.

Преследуя корпус Думенко, 4-й Дон. корпус ген. Павлова еще больше удалился от района Великокняжеская — Торговая, каковой должен был явиться районом главных ударов этого казачьего корпуса.

И 2-го февраля 9-я сов. армия, как и в предыдущий день, продолжала в общем бездействовать. Только из района Орлов — Подвал части этой армии неуверенно наступали на юг.

3-й Донской корпус к вечеру 2-го февраля выбил из станицы Ольгинской части 8-й сов. армии и отбросил их за р. Дон. На фронте Добровольческого корпуса в этот день части 8-й сов. арм. сделали слабую попытку нового наступления на сел. Кулешовку, находившуюся на середине фронта Добровольческого к-са, но легко были отбиты.

Двухдневные попытки частей 8-й армии укрепиться на южном берегу р. Дона окончились неудачей. 8-я и 9-я сов. армии, занимавшие фронт по рекам Дону и Манычу, и к вечеру 2-го февраля не смогли выполнить директивы командующего фронтом Тухачевского.

В ночь под 3-е февраля командующий Донской армией отдал следующую директиву Нр 0453:

«Комкорам 1, 2, 3, 4, Добровольческого, копия наштарм Кубанской и наштарм Глав.

К вечеру 2 февраля обстановка на фронте армии такова: на фронте первого к-са — 14 кон. бригада и 18 кон. полк вели упорный бой с пехотой и конницей противника в районе зимовников Кузнецова, Королькова Якова, при чем документально и пленными установлено здесь участие корпуса Буденного; 4-й Корпус отбросил корпус Думенко, бригаду Блинова и часть 23 стр. дивизии в направлении на Ажинов и Кудинов. На фронте Доброкорпуса второе наступление красных на Кулешовку отбито. Бой на фронте 3 корпуса незакончился, но Ольгинская, повидимому, занята нами.

На 3 февраля приказываю:

Первому Корпусу — контр - атаки сдерживать наступление группы Буденного.

Группе ген. Павлова — наступая вдоль Маныча и сбивая на своем пути все части противника, выйти во фланг и тыл группе Буденного и разбить ее совместно с 1-м корпусом.

Третьему корпусу — отбросив противника в районе Ольгинской, сосредоточить Конный (Кубано - Терский) корпус ген. Агоева в районе хуторов Мало - Западенский — Поздеев с тем, чтобы с утра 4-го февраля атаковать разбитые части корпуса Думенко и отбросить его за Дон.

Доброкорпусу — продолжать подготовку к выполнению задачи по основной директиве (захват Ростова) и быть готовым оказать содействие 3-му корпусу в случае наступления противника на Ольгинскую.

Получение донести. Сосыка. 2 февр. 20 г. 23 часа. Нр. 0456/К.

Сидорин».

Как видно, и в конце второго дня боев по всему фронту командующий Донской армией еще не вполне отдавал себе отчет в том, что произошло за эти два дня в районе Великокняжеская — Торговая, где планомерно, согласованно и последовательно действовали крупные массы пехоты и конницы противника, значительно превосходившие силы и возможности Кубанской армии. Если вечером 1-го февраля ген. Сидорин думал еще о возможности в голой степи **окружить и уничтожить** конную массу противника, насчитывавшую около 9-10 тысяч испытанных во многих боях бойцов и в своих действиях опирающуюся на несколько сильных пехотных дивизий, то после событий, происшедших 1-2 февраля в районе Торгово - Великокняжеской, командующий Донской армией должен был обратить более серьезное внимание на этот участок фронта.

Донскому командованию и, особенно, ген. Деникину хорошо было известно, что в июне - июле 1918 г. ударом Кубано - Добровольческих сил именно со стороны Торговой на Тихорецкую довольно сильная большевистская армия Антонова принуждена была отойти на

юг с фронта Азов — Батайск в пределы Кубани. Известно им было и то, при каких условиях в апреле - мае 1919 г. удалось ликвидировать маньчжский прорыв той же 10-й сов. армии: тогда быстро были взяты войска не только с северного Кавказа, но и с Донецкого бассейна, охватом с флангов, после значительных усилий, 10-я сов. армия была разбита и отброшена к Царицыну (ч. 2-я «Траг. Каз.»).

Теперь большевистское командование повторяло маневр ген. Деникина 1918 г. и маневр красного командования 1919 г.

Вышеприведенная директива Нр 0456 ген. Сидорина заставляла подчиненные ему войска одновременно действовать в двух противоположных направлениях: 4-й Донкорпус и конница 1-го Донкорпуса бросались в район Торговой, а конная группа ген. Старикова, в состав которой был включен и Кубано - Терский корпус ген. Агоева, бросалась в сторону ст. Богаевской. Богаевская и Торговая удалены одна от другой, по воздушной линии, примерно, верст на 120.

Если успех январских боев в значительной мере определялся счастливой и редкой возможностью для Донского командования на небольшой площади применить могучий резерв в виде 4-го Донского и Кубано - Терского корпусов, то в начале февраля, с распылкой этого резерва в разные концы фронта, Донское командование оставалось без серьезных подвижных резервов, которые можно было бы использовать в случае серьезной неудачи на том или ином участке фронта.

Весь казачий фронт вытягивался в нитку длиною не менее 250 верст — Азов — Батайск — Богаевская — хут. Веселый — Торговая — Сандата. Хотя 8-я и 9-я сов. армии в целом и не проявили тогда так нужных для советской России боевых качеств, но все же упорные двухдневные бои 3-го Донского корпуса с красными у ст. Ольгинской и ст. Старочеркасской, бои Добровольческого корпуса у Кулешовки, сбережение в целостности конного корпуса Думенко после того, как против него были брошены минимум вдвое превосходившие его силы 4-го Донского к-са ген. Павлова, указывали на то, что нельзя было не считаться серьезно с силами 8-й и 9-й советских армий, особенно при условии, что у Торговой уже обозначилась весьма серьезная угроза возможности выхода Конной армии Буденного и 10-й сов. армии на фланг и в тыл антибольшевистским корпусам, сражавшимся на р. Доне и на р. Маныче.

Хладнокровный учет всей боевой обстановки на фронте и положения в тылу диктовал казачьему командованию необходимость удержания фронта по рекам Дону и Манычу и скорейшее сосредоточение достаточных сил для ликвидации обходного движения красных на линии Великокняжеская — Тихорецкая, тем более, что сильный нажим красных тогда обозначился уже и на Старопольском направлении, где они, в случае успеха, могли Северный Кавказ разрезать на две части.

Посмотрим, к чему привело осуществление директивы. Нр 0456. Обратимся сначала к северному фронту.

В силу этой директивы, «конная группа ген. Старикова — 7-я Конная бригада, Кубано - Терский Сводный корпус ген. Агоева, Черкасский конный полк и 8-я пластунская бригада — 3 февраля в 12 часов дня перешла в наступление из района ст. Манычской в общем направлении на ст. Богаевскую, имея ближайшей целью уничтожение пехоты противника, занимающей хутора Краснотворского и Голые Бугры» (схема 6).

В тот же день стремительной атакой казаки разбили красных в районе хут. Хохлатовского «и на плечах бегущего противника овладели ст. Богаевской; преследуемые нашими частями красные бежали частью на х. Кудинов и на хут. Ажинов и частью на ст. Бесергневскую; взято 500 пленных, 40 пулеметов и 4 орудия» (операт. сводка).

4-го февраля группа ген. Старикова занимала район ст. Богаевской и х. Елкина. Перед нею в х. Ажинове находилась бригада 21-й стр. сов. дивизии, прикрывавшей хутора Карповский и Сусатовский, где располагался конный корпус Думенко.

4-го февраля упорное наступление 2-й и 8-й дивизий 3-го Донского корпуса на ст. Старочеркасскую успеха не имело; донские казачьи части понесли большие потери, но все же отступили в исходное положение: 2-я дивизия — в хут. Алитубский и Средне - Подолин-

ского (схема 4). Хотя от Шаблиевки - Екатерининского до станции Торговой всего 5-10 верст, хотя против 1-го Кубкорпуса навалилась масса бойцов в 9 тысяч большевистской пехоты и полторы тысячи конницы, все же в течение целого дня красные не могли взять Торговую.

«Кубанский корпус Крыжановского стойко держался под натиском наших частей, оказывая упорное сопротивление», повествует бывший командир 20-й стр. дивизии Б. Майстрах... «Лишь с наступлением темноты» большевистские массы пехоты «атаковали упорно защищавшихся Кубанцев; к 10 часам вечера части 1-го Куб. корпуса были выбиты из села и Торговая - Воронцовское были заняты нами; белые отступили в направлении на деревни Николаевку и Песчанокоскую, понеся значительные потери» (Маныч — Егорл. — Новоросийск, стр. 59).

В этот же день большевики принудили 2-й Куб. конный корпус ген. Науменко, действовавший правее 1-го корпуса ген. Крыжановского, оставить сел. Сандату и отступить на сел. Ивановку.

Необходимо подчеркнуть, что в то время, как 1-й Куб. корпус вел на линии жел. дороги упорные бои с наседающими массами большевистской пехоты и кавалерии, между этим корпусом и правифланговыми частями Донской армии была огромная дыра шириной более 20 верст. Поэтому левый фланг Кубанской армии был совершенно оголен для ударов большевиков.

3-го февраля правифланговые части Донской армии находились: 14-я конная бригада в районе зимовника Пишванова (по воздушной линии 35 верст от Торговой), а 18 конн. полк. в районе зимовников И. Кузнецова и Н. А. Королькова, отступив от р. Маныча верст на 30. В этот день штаб Донской армии приказал 14-й конн. бригаде «организовать разведку по долине реки Юлы в общем на Торговую с целью установить, куда движется Буденный и как группируются его силы», а всему 1-му Донскому корпусу отдано было распоряжение «энергичными действиями сдерживать противника и не давать ему продвигаться к западу...» «Для достижения решительного успеха группой ген. Павлова необходимы энергичные и решительные действия 1-го корпуса», указывал штаб армии.

4-й Донкорпус ген. Павлова, 2-го февраля за Манычем разбив корпус Думенко, возвратился на южный берег этой реки и 3 февраля занимал район зимовников Я. Королькова, Андр. Королькова, И. Харченко, Казенного и хут. Веселого, к вечеру этого дня передовыми частями с боем выдвинувшись на линию зим. Н. А. Королькова — Орлов Подвал. Отметим, что за 2 и 3 февраля части этого корпуса взяли 700 пленных и 65 пулеметов. Два дня похода и боев в невыносимую зимнюю стужу изнурили бойцов и лошадей. Но от станции Торговой этот доблестный корпус отделило еще 55-75 верст голой, незаселенной и бездорожной степи, занесенной глубоким снегом, насквозь продуваемой сильным ветром при 19-27-градусном морозе, и продвигавшиеся на левый берег Маныча конные и пешие большевистские части...

4-го февраля, двигаясь тремя колоннами все далее на юго-восток в направлении на Шаблиевку - Торговую, передовые части 4-го Конного корпуса ген. Павлова, в долине р. Мокрой Кугульты — в районе зимовников Почаевского, С. Жеребкова и Ф. Королькова, неожиданно натолкнулись на прорвавшиеся на левый берег Маныча большевистские части — конную дивизию Гая и 1-ую Донскую (Хоперскую) красную дивизию. Произошел короткий бой. Красные были разбиты наголову; остатки большевистских дивизий казаки преследовали к Казенному Мосту (схема 4).

В этот же день 14-я конная Донская бригада в долине р. Юлы — в районе зимовника Попова — наголову разбила 28 стр. дивизию красных, взяла 300 пленных вместе с начальником дивизии Азиным. Эта дивизия, как повествуют сами большевики, «была окружена превосходными конными силами противника в открытом поле и, несмотря на героический бой частей дивизии, была почти целиком уничтожена в упорном бою. 28-я див. вышла из боя в составе лишь 160 штыков и 174 сабель. Погиб почти весь ее командный состав»...

Разбитая казаками дивизия Гая и остатки 28-й сов. дивизии выскочили за р. Маныч в район ст. Платовской х. Ельмутинского.

4 февраля штаб Донской армии не имел никакой связи с находившимся в непрерывном движении по безлюдной голой степи 4-м Донским корпусом. Поздно ночью еще не зная о разгроме казаками большевистских конной дивизии Гая, 1-й Донской (Хоперской) бригады и 28-й дивизии, командующий Донской армией отдал следующее приказание:

«Комкорам 1 и 4 Донских. копия Командрам Куб. комкор 3 Донского и Наштаглав.

...На 5 февраля ставлю задачу уничтожения Яново-Шаблиевской группы противника, для чего приказываю:

1. 4-му корпусу продолжать наступление левым своим флангом вдоль Маныча.
2. 1-му Корпусу энергично атаковать противника, держа боевую связь левым флангом с 4-м Корпусом, а правым — с 1-м Кубанским.
3. Распоряжением Наштакора 1-го настоящее приказание с последними данными о противнике передать Наштакору 4-го Конного по месту нахождения, выяснив его через правифланговый полк 4-го Корпуса.

Сосыка, 4 февр. 1920 г. 24 часа. Нр 0478/К.

Сидорин».

Этот приказ опровергает распространенное мнение, будто бы ген. Павлов самовольно повел 4-й Корпус на Торговую по левому, а не по правому берегу р. Маныча; приведенный выше приказ ген. Сидорина ясно говорит о том, что сам командующий Донской армией направляя этот Корпус именно по левому, пустынному берегу Маныча. Яново - Шаблиевской группы большевистских войск тогда не существовало, между зим. Яновым и сел. Шаблиевкой на 20 верст тянулось пустое место.

Обратимся теперь вновь к району Торговой, которая, как сказано выше, была взята советскими дивизиями поздно вечером 3-го февраля. Немедленно после взятия Торговой Буденный послал начальнику Штаба Кавказского большевистского фронта и командующему 10-й сов. армией телеграмму, в которой сообщал, что 4-я и 6-я дивизии Конной армии уже находятся в Шаблиевке - Екатерининской и что «в виду больших переходов, в связи с тяжелыми дорогами, занесенными снегом, отсутствием фуража — назначена дневка, ковка лошадей и сосредоточение транспорта с довольствием и огнестрельными средствами, что только 5-го февраля Конная перейдет в наступление на Песчанокоскую, имея целью отрезать бронепоезда противника». И, что было чрезвычайно важно, Буденный в этой телеграмме предложил «сделать распоряжение частям 10-й армии, оперирующим в районе Торговая - Сандата, на 4 февраля остаться на достигнутых 3 февраля рубежах и 5 февраля одновременно с частями конармией возобновить движение согласно ранее отданных директив».

Командующий 10-й армией Павлов согласился с этим предложением Буденного.

4-го февраля в Торговой - Воронцовской сосредоточились и вновь отдыхали 50-я, 20-я и 34-я стрелковые дивизии и отдельная конная бригада Куришко. 5-го февраля эта группа в наступление не перешла и продолжала отдыхать в Торговой.

5-го же февраля был отдан приказ об **образовании ударной группы** в составе этих трех дивизий и кон. бригады Куришко под командованием М. Д. Великанова, а 6-го февраля вся ударная пехотная группа была подчинена в оперативном отношении командующему Конной армией Буденному. Вследствие этого распоряжения в руках Буденного оказалось 3 конных дивизии (4-я, 6-я и 11-я), отдельная кон. бригада и три пеших дивизии, что представляло силу в 10.380 шашек и 8.890 штыков, в общем свыше 19-ти тысяч бойцов.

5-го февраля в Торговую - Воронцовскую вошли и 4-я и 6-я конные дивизии, так что в ночь под 6-ое февраля в Торговой - Воронцовской располагались 20-я, 34-я и 50-я стрелк. дивизии, 4-я и 6-я конные и кон. бригада Куришко, или около 9-ти тысяч штыков и 8.630 шашек. 11-ая кон. дивизия находилась в Екатерининской...

Уже два дня эта сильная группа войск красных отдыхала, тепло, уютно и сытно расположившись в

† Ген. Мамонтов.

богатом селении. Буденный действовал чрезвычайно осторожно.

И в эти самые дни — 4 и 5 февраля — казаки Конного корпуса ген. Павлова по необитаемой степи, покрытой глубоким снегом, в чрезвычайно сильные морозы, голодные, пронизываемые до костей сильнейшим ветром, все шли и шли на юго-восток в поисках конницы Буденного, чтобы выполнить приказание командующего Донской армии — «уничтожить Яновско - Шаблевскую группу противника»...

За отсутствием и телефонной и телеграфной связи со штабом Донской армии и со штабами иных донских Корпусов, командир 4-го Конного Донского корпуса не имел правдивых сведений о положении дел на том участке фронта, куда так должен был спешить его Корпус.

Особенно ужасным для казаков и офицеров Корпуса ген. Павлова были дни 4 и 5 февраля, когда Корпус пересекал совершенно бездорожную, голую и пустынную степь по речушке Юле и ее притокам... Обмороженные, измученные и голодные казаки и их верные кони 5-го февраля двигались без остановки и все же к ночи не дошли до жилья... Кругом тянулась бесконечная, занесенная снегом, холодная степь...

Имея сведения, что Шаблевка уже занята противником, но что Торговая еще находится в руках Кубанской армии, командир 4-го Корпуса ген. Павлов вечером 5-го февраля направил свой Корпус на Торговую, предполагая найти там отдых и тепло для людей и лошадей...

В действительности же, как мы знаем, Торговая была занята 18-ю тысячами большевиков. Произошел ночной бой...

Сухое официальное донесение Штаба 4-го Конного корпуса говорит следующее:

...«5-го февраля Корпус, тремя колоннами двигаясь без дорог и по глубокому снегу, только в 22 часа

вышел на Торговую, атаковал ее двумя бригадами и ворвался в Воронцовское, захватив 5 пулеметов, 30 пленных, изрубив конвой Буденного; сам Буденный ушел. 20-я дивизия красных, занимавшая Воронцовское, оказала упорное сопротивление и перешла в контратаку, после чего и ввиду чрезмерного переутомления людей и лошадей, которые, следуя по пустынной местности в течение трех суток, почти не имели крова и пищи, — части Корпуса решено было отвести в район Богородицкое - Лопанка.

В полках много обмороженных, и были случаи замерзания казаков в седлах» (журнал военн. действий Донской армии).

То, что произошло с 4-м Донским корпусом на путях к Торговой и в самой Торговой в ночь под 6-е февраля, имеет выдающееся значение по своим ужасным последствиям. Поэтому позволим себе привести здесь и те данные, которые подает противная сторона о ночном бое с 5 на 6 февраля.

...«К 22 часам 5-го февраля 2-й и 4-й Донские корпуса (оговорим, что 4-й Донской корпус состоял из двух конных дивизий — 9-й и 10-й; в январе 1920 г. во время ликвидации прорыва Думенко из состава 2-го Донского корпуса была взята 4-я Конная Донская дивизия и подчинена командиру 4-го Донкорпуса ген. Павлову; потом эта дивизия была оставлена в подчинении ген. Павлову; большевистские сводки конную группу ген. Павлова называют 4-м и 2-м корпусами Донской армии, что не соответствует действительности) — «Мамонтовская» отборная конница числом до 9-10 тысяч бойцов, под командованием ген. Павлова, своими разездами и передовыми конными встретилась с нашей разведкой, высланной к северо-западу от Торговой... Командующим группой т. Великановым отдан был приказ стрелковым дивизиям занять для обороны уже ранее намеченные участки по окраинам села и несколько вперед железнодорожной станции Торговая...

...«Получив ценное донесение... разведки о движении белой конницы на Торговую, мы (командир 20-й сов. Б. Майстрах и Великанов — командир пехотной ударной группы) с т. Великановым отправились из штаба группы к командарму 1-й Конной доложить полученные сведения и самим узнать что-либо новое. На дворе стоял отчаянный мороз, доходивший до 25 градусов, при сильном ветре. Кое-где была слышна глухая редкая перестрелка с разездами противника... Ночь была темная, ни зги не видно...

«Входим... Небольшая, уютная, жарко натопленная комната, ярко освещенная керосиновой лампой, представляет резкий контраст с темной морозной... Тов. Буденный с тов. Ворошиловым разбирают за столом полученные донесения частей... Докладываю свои сведения о движении белых на Торговую.

...«Донские мамонтовские корпуса в 9 тысяч слишком сабель, при большом количестве пулеметов и артиллерии — большая сила»... — говорит, улыбаясь, тов. Буденный...

...«Разговор обрывается на полуслове... Приводят захваченного нашими разездами почти у самой станции Торговой полузамерзшего казака-разведчика. Допрашиваем пленного. Говорит: «Конные корпуса идут на Торговую... Прошли сегодня больше сорока верст. За четыре дня похода по безлюдной степи, при этом морозе, войска измучились; за дорогу много перемерзло, — кони измучены в конце. Люди вот уже два дня, как не получали горячей пищи»...

...«Показания пленного казака действуют ободряюще. Грозная «Мамонтовская» конница, измученная и полузамерзшая, уже не так страшна нам... Пока что все нам, казалось, благоприятствовало и сулило успех...

«Стенные часы показывают уже 11 с лишком... Мы продолжаем спокойно разговаривать, допивая чашку чая, как вдруг дверь с треском распахнулась и с криком: «Семен Михайлович (Буденный), выходи!» — в комнату ввалились в бурках, в папахах и вооружении два донца — «буденновца».

— «Белые ворвались в Торговую!!.. Тут вот недалеко уже!..»

Мы начали торопливо одеваться, надевать вооружение и через минуту выбежали через двор на улицу...

У ворот дома толпились конные ординарцы, дер-

жали оседланных лошадей, — на рысях подходил штабной эскадрон 1-й Конной.

С западной стороны противник строчил «максимам» по селу.

«Вдоль площади с диким осатанелым криком, с грохотом колес по мерзлой дороге неслись в два и три ряда обозы и артиллерия кавалерийской дивизии (большевистской), давя друг друга, обгоняя, ломая тачанки, — «хмара черная», — как их метко называл командир 50-й (Ковтюх — офицер из иногородних станицы Полтавской).

— «Белые в станице!! Пошел вперед!!» — орали обозники охрипшими голосами. Остановить их, в животном ужасе мчавшихся вперед, было некому.

В другом конце площади, куда поскакали с эскадром Т. Т. Буденный и Ворошилов, началась стрельба, завязался бой с ворвавшейся конницей противника.

В 3-4 кварталах — штаб 20-й дивизии. Торопимся туда, рискуя быть задавленными несущимися в панике обозами. С северной и восточной стороны станицы также начался бой с наседавшим противником.

...В северо-восточной части села Воронцовского, занимаемого конными дивизиями, завязался бой с ворвавшимися в село «мамонтовцами»... Треск пулеметов и ружейная стрельба прерывались криками «ура» атаковавшей нас мамонтовской кавалерии.

Трудно было разобраться в начавшемся хаосе — в эту темную, морозную, жуткую ночь, окутывавшую землю непроницаемым мраком.

...Тов. Тимошенко (командир 6-й конной дивизии армии Буденного) срочно послал распоряжение бригадам строиться для отражения наступавшей белой конницы. Приказания еще не были получены командирами бригад, как уже завязался бой, — никем не управляемый, — с прибывавшими в Торговую белыми частями, беспорядочно бросавшимися по квартирам... Тов. Тимошенко бросился к своим частям, вместе с которыми и стал выбивать «мамонтовцев» из занятых ими районов села...

«Одновременно в расположении 4-й кавалерийской див. происходит такая же картина... Две конные батареи кав. дивизии начинают беспорядочную стрельбу наугад... Еще более усиливается сумбуз и неразбериха... Все же кавалерийским дивизиям удается быстро выбить занявших окраины села Торговую...

«Несмотря на то, что передовые части «мамонтовцев» с большим уроном выбиты были нами из Торговой, и белому командованию стало ясным сосредоточение значительных сил нашей кавалерии в Торговой-Воронцовской, противник с подходом его основных сил переходит в общее наступление на окраину села, занимавшуюся нашей «6-й дивизией». Подошедшие новые полки белых бросаются с криком «ура» в атаку, но на этот раз мы уже готовы к надлежавшей встрече врага... Наша конница, частью спешенная, сильным пулеметным и ружейным огнем, при энергичной и дружной поддержке пехотных частей 20-й дивизии с большими потерями отбивает атаку перескочившей речку Егорлык белой конницы.

...«К этому времени свежие силы «мамонтовцев» обтекают село с северо-западной стороны и начинают там также упорный бой — последнюю отчаянную попытку овладеть Торговой и Воронцовским. Части 6-й кавалер. дивизии и правофланговые полки 20-й дивизии сильным огнем пулеметов сперва сдерживают, а затем и отбрасывают атакующего противника, переходя местами в контр-наступление.

«С большими потерями белая конница отходит от станицы на запад, оставляя до 400 убитых и раненых на поле боя... К утру раненые, брошенные на снегу — очеченные трупы...

«Конные корпуса с большими потерями отбрасываются от станицы опять на лютый мороз — в голую степь, окутанную темнотой ночи.

...«Часам к двум ночи бой всюду стих... Белые

конные корпуса, отброшенные от ст. Торговой, начали отходить в степь к северу и западу — на редкие пустыне зимовники и мелкие хутора. До позднего утра светило красное зарево от горевших стогов, раскинутых по степи, около которых ночевала «мамонтовская» конница, спасаясь от мороза. Лишь утром она ушла в сторону Крученой Балки и сел. Средне-Егорлыкское. У дымившихся пепелищ остались трупы сотен замерзших казаков...

«Неудача ген. Павлова под Торговой в значительной мере определила наши успехи в будущем.

...«Таким образом, за ночь с 5 на 6 февраля конные «мамонтовские» корпуса потеряли, по нашим тогдашним сведениям, до 2 тысяч замерзших и обмороженных бойцов.... Восстановить громадную убыль и потерянную боеспособность 2-й и 4-й Донские конные корпуса ген. Павлова после этого действительно уже более никогда не смогли. Но этого мало: важна была и наша моральная победа над белой конницей, до того отбивавшей наши наступления под Батайском и Богаевской. Некогда гремевшая славными боями и лихими атаками «непобедимая» мамонтовская конница, лучшая белая кавалерия, после этого боя сильно утратила свое грозное значение на деникинском и нашем Кавказском фронтах... Этот ночной бой с белыми «мамонтовскими» корпусами был первым звеном цепи дальнейших побед 1-й Конной и 10-й армий на Кавказском фронте, побед, решивших судьбу деникинщины на Северном Кавказе и Кубани» (вышецитированная работа Май-страха, стр. 68-79).

Об этом ужасном походе 4-го Донского корпуса и бое у Торговой Г. Раковский пишет: «Благодаря сильному морозу и ветру, благодаря полному отсутствию жилья, половина корпуса в буквальном смысле слова вымерзла. Вместо десяти-двенадцати тысяч шашек, после этого рейда, по строевому рапорту, в отборной конной группе осталось пять с половиною тысяч шашек. Остальные, в том числе и сам Павлов и весь командный состав, были обморожены, или же совершенно замерзли... В 24-градусный мороз с сильным ветром буквально нигде было остановиться и укрыться от холода. Ночевали в необитаемых зимовниках донских коннозаводчиков, причем один зимовник из нескольких избушек приходился на целую дивизию. Лишь немногим счастливым удавалось попасть под крышу. Остальные ютились возле заборов и своих лошадей... После разговоров с участниками рейда создалось вполне определенное убеждение, что казаки, которые с яростью, с огромным, вполне понятным озлоблением ругали командный состав, в особенности начальника группы ген. Павлова, заморозившего несколько тысяч человек, все же не теряли бодрости душевной. Эти обмороженные, только что пережившие в степях четыре ужасных дня, люди, одетые в самые разнообразные костюмы, часто в лохмотья, бодро говорили: «Мороз проклятый перетерпим и тогда, как и в прошлом году на Донце, начнем снова купать большевиков». («В стане белых», стр. 96-98).

Бывший командующий 1-й Конной сов. армией Буденный в 1930 году по поводу действий ген. Павлова написал следующее: «Если бы Павлов не морозил свою конницу при движении на Торговую, а удлинил немного путь, идя по обитаемым районам р. Маныча, удар его с Торговой то тылу 1-й Конной армии, хотя и не привел бы к ее разгрому из-за неравенства сил, но, во всяком случае, прервал бы ее дальнейшее движение. Это как раз совпало бы с занятием Ростова белыми, и операция, возможно, приняла бы другой характер. Мы видим здесь, как хорошая конница, получив правильную задачу, вполне соответствующую создавшейся обстановке, гибнет из-за неучета обстановки ее командиром, вырывая крупный оперативный козырь из рук своего командования». (С. Буденный. Красная конница. Москва — Ленинград. 1930).

(Продолжение следует)

I-я часть «Трагедии Казачества» разошлась вся.

II-я и III-я части еще есть. Стоят они 10 и 20 франков.

Казаки, дружной покупкой III-ей части поможет и выпустить отдельное издание IV части «ТРАГЕДИИ КАЗАЧЕСТВА».

В. П. ЕЛИСЕЕВ.

„Pulvis, cinis et... nihil“

... «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побежали и рассказали в городе и по деревням. И вышли жители смотреть случившееся; и приведши к Писусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Писусовых оде того и в здравом уме; и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся».

(Ев. от Луки, гл. VIII, 32 - 37).

Думая над печальным исходом казачье - русской войны 1917 - 1920 г. г., припоминая тогдашние вольные и невольные казачьи ошибки — исторические предпосылки этого «исхода», — невольно приходишь к горестному заключению, опирающемуся на очевидные теперь данные, что для расчетов на казачий успех, к сожалению, особых оснований тогда не было. Наоборот, так сильно бивший в глаза тогда казачий проигрыш огненным зигзагом змеился все время перед бурлившим, истекавшим кровью, отважным, но не всегда уверенным в себе Казачеством.

Правда, положившие все тогда на чашку весов борьбы и жизни, изнуряемые в неравной борьбе, казачьи полки, вырывая живьем Родную Землю из — под ног разъяренного в своем бесовском пошibe противника, не раз просветляли сгустившиеся над Казачьей Землей черные облака насупившейся северной грозы. Но, едва успевал блеснуть луч надежды, как Казачье Небо снова заволакивалось непроглядной тьмой...

Казачий Народ тогда не знал присыгршей, когда он представлял собой единомыслящую, компактную в своем единстве, цельную казачью массу; когда он был сословно неделим — не знал ни помещиков, ни дворян, ни богатых, ни бедных; когда казак не зависел от казака ни экономически, ни административно, ни политически; когда Казачество, как таковое, было во всех отношениях едино, неделимо, цельно и независимо.

С тех пор, когда казачья государственная самостоятельность хитрой политикой московских царей — «собираателей Руси» — была сломлена и, параллельно с этим, расчленено было казачье тело, и когда среди бывшей единомыслящей казачьей массы пустила свои ростки привитая извне сословная рознь, — с этих самых пор и поймали свое нечистое начало казачьи проигрыши.

Этот - то самый сословный надлом Казачества, бывшего когда - то грозным, цельным монолитом и жившего раньше одним и тем же интересом, и сыграл решающую роль в последней казачье - русской войне.

Казачество в самую жаркую годину своей жизни (в годину, в которую оно, будучи единомыслящим, могло бы не только выиграть, но и наверстать все им потерянное за все годы своей денационализации и семейного расчленения) не смогло предстать перед навалившимся на него врагом со своим крепко скатым могучим кулаком. Взамен последнего, оно отмахивалось от своего смертельного врага слабой, с растопыренными пальцами, беспомощной ладонью, — слабой не столько физически, сколько морально. А слабость моральная, как известно, есть слабость самая опасная — самая верная пособница проигрышей и неудач.

И эта моральная слабость Казачества обуславливается именно тем, что подымавшееся (как у него, бедного, еще хватило сил подыграть!), оно не имело единого определенного плана (по той причине, что жило многими интересами, а не одним), ясного и понятного всем, всех

зажигającego, начиная от атамана и кончая последним казаком, казачкой, стариком и ребенком, словом — не имело своей казачьей программы.

Оно эту свою Казачью программу в ту жаркую годину лишь искало, бродя за ней в полутемках и натыкаясь на нее только время от времени (Рябовол, Кулабухов, «пограничная болезнь»), инстинктивно чувствуя своим казачьим чутьем, что только найдя ее, оно вырвет свое право у наступавшего на него взбесовавшегося в своем коммунизме русского народа, предводительствуемого полумонголом Лениным и евреем Бронштейном.

Но б. руководящий элемент истекавшего кровью Казачества не понимал смысла искания своего народа, не горел его желаниями и не жил его интересами и потому упорно продолжал (не беря в свое «высокое» внимание боли своего народа, которой он страдал, и совсем не считаясь со смыслом происходивших событий) стоять на своей «старой калужской дороге», продолжал стремиться к отстаиванию рушившейся на наших глазах ненавистной и чуждой для всех, в том числе и для Казачества, «тюрьмы народов».

В то время как вожди других народов спешили вывести своих людей из-под хлама разрушающейся «тюрьмы народов», искренно радуясь ее развалу, ибо видели в нем (развале) удобный момент для своего избавления, б. вожди Казачества упорно старались подкрепить подгнившие ее устои плечами своего народа (чужими плечами!), несмотря на то, что свои плечи, русские плечи ее не подпирали...

Ни один Атаман ни одного казачьего Войска не служил, несмотря на данную им казачью присягу, самому себе — своему Войску; ни одно правительство, ни одного Войска не думало строго об интересах Войска, а больше ломало голову о служении России; единоличные голоса генералитета (чувствовавшего духовную связь с бойцами, которых они вели на смерть) видевшего напрасные казачьи жертвы, были заглушаемы всем остальным генералитетом русской ориентации. Самый ничтожный десяток депутатов - членов Кругов и Рады, видевших явную опасность для Казачества, направляемого на чужой путь «вождями», не смог проявить своего должного влияния в достаточной степени, не смог направить политическую деятельность казачьих парламента в истинное казачье русло, ибо их настоячивое домогание и их «дерзкий» голос (таким он, именно, должен был бы быть) повлекли бы за собою неизбежное их самопожертвование (подобное самопожертвованию великого казака Кулабухова), а в те полувверенные, по лусмелые года таких борцов, как Кулабухов, было, всего - навсего, только он один...

Поэтому - то, предоставленная самой себе, казачья масса, не имея своего Казачьего Маяка, который бы ей освещал ее Путь Спасения, затырканная своими атаманами, правительствами, генералитетом и «не узнавшим того времени» большинством членов Кругов и Рады русской ориентации, растерявшись, разбелась по разным партиям, зазывавшим тогда к себе потерявшееся Казачество. Одни пошли служить «России белой», другие — «красной», третьи — «зеленой».

Нашлись и четвертые, которые храбро клали свои головы на поле битвы с врагом, оправдывая свои напрасные жертвы мнимым самоублажением, что они умирают достойной смертью — за Казачество (святые мученики!).

Были в ту жуткую годину Казачества и пятые, окончательно морально и физически уставшие, потерявшие всякую веру в зазывавших их «вождей» и, в конце концов, разбредшиеся, оставив все фронты, по домам, где их позорно порол в хуторских и станичных правлениях, а они, отупелые, переноса молча позор, не понимали, как ни старались понять, за что их именно порят, когда кругом метет и завывает бушующая вьюга, залепляя всем глаза и закрывая от всех след убежища; когда жутко воют на Казачьей Земле, ищущие себе падати, голодные волки...

Это было тогда, в 1917 – 20 г. г. А что есть теперь, здесь?

Если присмотримся к нашей эмигрантской политической жизни, то увидим, что она мало чем отличается от бывшего надому казачьего разнобоя. И главное то, что разнобой этот тот же самый, что был и дома — и тут нет спайки между казаками. Нет, несмотря на то, что эта спайка нам особенно нужна теперь, когда мир, достаточно разобравшись в бесовской пляске русского коммунизма, насытившись им по горло, пришел к определенному и беспощадному выводу: необходимости борьбы с ним; когда в прозревшем теперь мире мы не одни противники «тюрьмы народов» и коммунизма (как это было тогда, когда мы были дома), а когда мы можем иметь многих и сильных друзей.

Нам нужно быть крепкими, спаянными, чтобы в нужный момент мы смогли показать себя своим врагам и своим друзьям — союзникам.

Что было, — не воротишь. Но, по крайней мере, что есть и что должно случиться, того мы — хотя теперь! — не должны упустить, не использовав всех его возможностей. К этому мы должны приложить все наше умение, все наши знания, всю нашу силу, а если требуется отдать жизни на алтарь спасения нашей родины, то и их должны отдать, — **все должны отдать**, иначе здесь нас ждет физическое (про моральное уже и говорить нечего) вымирание, а наших братьев там — физическое истребление хозяйничающим на наших землях врагом.

Все это мы знаем, и все мы об этом все время толкуем, но все же столкнуться (объединиться!) особенно с б. «вождями» никак не можем. Но это и понятно: не можем потому, что толкуем о невозможном, никогда не могущем осуществиться, ибо мы, казаки, с нашими б. «вождями» — люди совершенно разных полюсов.

Чтобы мы могли объединиться, надо, чтобы одна из сторон сошла со своего «полюса» и приблизилась идеологически к другой.

Это — неоспоримая истина, которая, между прочим, никого из казаков не должна обескураживать. Ее только нужно понять.

Казачья масса должна думать только о своем вольно-не казачьем объединении, а бывшие ее руководители, политически бездельничающие шестнадцать лет за границей, что они нам?

— **Мертвые люди и больше ничего.** Ибо как тогда (1917 – 20 г. г.) они стояли на русской программе и принуждали казачью массу служить ей, так и теперь они стоят на ней же... Как тогда они были духовно оторваны от своего народа, так и теперь они далеки от него и его интересов. Как тогда они, вольно или невольно, искренно или лукаво, подбивали Казачество на служение чужим, так и теперь они, неудачные вожди и слепые политики, занимаются таким же вредительством делу своего народа.

Возможно ли, при таких условиях, объединение с бывшими руководителями и нужно ли оно — вообще — вольным казакам?...

— Горбатого могила исправит. А перед б. казачьими руководителями, так и могила бессильна — и она их «не выправит»...

Вместо того, чтобы они, как стоявшие во главе казачьего народа и как ответственные за его судьбу лица, искали верного выхода из того тупика, в который они вогнали уже однажды Казачество; вместо того, чтобы они, как б. возглавители Казачества, пеклись о собирании своего народа, рассыпавшегося по разным чужим политическим партиям; вместо того, чтобы они искали верную, надежную для Казачества политическую программу, на которой могло бы объединиться разединенное Казачество, — вместо всего этого они «продолжают старое», а эмигрантская казачья масса, жадно ожидавшая от них ровно семь первых лет эмиграции живого их слова и ничего от них не дождавшаяся, потеряв вся-

кое терпение и веру в них, наконец, сама сдвинулась с того проклятого мертвого места, к которому ее живьем пригвоздили б. вожди, и, сдвинувшись, загудела широко, бурным потоком по городам, долам и весям, пробуждая своей казачьей лавой не успевшие окончательно разложиться казачьи сердца.

И уже девять лет живет Казачество само (без своих б. «вождей»), не вымирая, а возрождаясь, усиливаясь, вбирая с каждым днем в свои ряды все новых и новых бойцов (а не манекенов, чем были казаки первые семь лет эмиграции).

Живет потому, что поставило своей целью **служить не кому либо, а только самому себе.**

Живет по найденной им, им выработанной, им оформленной **Казачьей Программе.**

— Служить этой Казачьей программе потянулись казаки со всех уголков своего изгнания. Шли одиночками, шли десятками, шли сотнями, тысячами... И создавалось, таким образом, **велькое ВК движение**, о котором в наше время знают уже многие, с которым считаются, как с действительно серьезным политическим движением, как наши враги, так и наши друзья.

Не желают с ним считаться, как с действительно-стью, только наши б. «вожди».

От упорства? От злости? Или по своей политической, присущей им, слепоте?

— Жалкие Дон — Кихоты!

Приходят в голову слегка перефразированные слова Гертена:

— «И его нет, и он не дождался», — думает оставшийся «зубр» — б. казачий «вождь», возвращаясь с похорон своего друга. — «Неужели, в самом деле, Оно... Царство Казачье?... Несерьезность, желторотость, даже больше — «предательство» возьмут верх? Неужели вся моя долгая, «видная» жизнь, мои усилия, мои все жизненные рассказы?... Нет! Не может быть — истина на нашей стороне и победа наша. Разум и справедливость восторжествуют. Безусловно. А потому: «**Vive l'Empereur!**» — молится упершийся в угол «зубр», отдавая с лицом дух свой Господу, шепчет Ему: «Да придет царствие Твое»... И оба спокойно закрывают глаза и не видят, что не царство небесное на земле, не единая и неделимая монархия в России, подпираемая казачьими головами, ни, просто, единая и неделимая вовсе не водворятся... И не видят потому, что дух их принял с миром не Господь, а разложившееся еще при жизни их тело...

Но это бы еще ничего, если бы б. казачий руководящий элемент был только жалким дон — кихотством. (Был бы только смешным, но не вредным). Б. казачья «видность» не есть обыкновенное дон — кихотство. Оно — дон — кихотство, в которое вошли бесы и... не вышли из нее. Не вышли, несмотря ни на человеческие, ни на божеские усилия...

Вошедшие в б. «вождей Казачества бесы крепко сжились с их дон — кихотством. Так что трудно определить, чего больше в б. казачьих «вождях» — глупого ли дон — кихотства или ставрогинского бесовского изуверства. Факт только тот, что совместное сожительство дон — кихотства с ставрогинским бесовством их окончательно доканало — низвергло их с крутизны (на которую они забрались) в море и потопило их в нем....

И туда им, «бесновавшимся», дорога! Таков их должен быть удел! Удел всех, оторвавшихся от родного корня своего народа. Удел изолированного духа, который безнадежно хватался за бесславное, чуждое его народу, прошлое, игнорируя живое и родное настоящее...

Народ их от них, «бесновавшихся», отрекся, проклиная их, как не понимавших его души, записал их на жуткую страницу своей истории...

Их проклинают мертвые казачьи герои с русских плах, эшафотов, виселиц и тюрем; слезы живых — чужих батраков здесь и бессильных там — им не простятся, ибо гнев народа — гнев Бога.

Люди, которые водили казаков на Москву, на 17-ом году эмиграции признаются, что они тогда не знали, за что они воювали:

...«У нас не было общей, всем и каждому до последнего слова ясной, всеми движущей и всем повелевающей Национальной Идеи». (Ген. А. В. Туркул. «Сигнал», № 1).

...«В ... схватке с революцией нам чего то не доставало; мы чего то не учили, не знали».

(Корнет Г. П. Апанасенко. Там же).

И есть за что не простить. Ибо б. казацьи руководители были обязаны иметь глубокую и прозорливую предсудетрительность за судьбу доверившегося им народа...

Голова всех тех, кому была вверена судьба Казачества, должна была быть тем светлым рефлектором, который освещал бы бродившему в потемках Казачеству его верный Казачий Путь, зорко отвлекая его от страшной бесовской «крутизны».

Ничем этим б. «вожди» и подавляющее большинство во более или менее причастных к б. «вождям» не были. Не были ни там, ни тут. И, конечно, никогда не будут. Просто по той причине, что они обречены на вечное «беснование».

— Они: Pulvis, cinis et... nihil...

— Пыль, зола и... ничего!

ВК, работая само, без них, уже достигло того, что «сидит у ног Иисусовых» — на присущем Ему в мире месте — и гудит о нем уже во всем мире благовест, радость и ликование. И все о Нем «рассказывают», как о человеке, исцелившемся от беснования, навязанного ему б. «вождями» («бесами»!).

Вот почему «исцелившемуся от беснования» (было и оно «беснующимся») ВК бесполезно (и даже вредно) «объединяться» с б. «вождями» и всеми с ними сущими «бесновавшимися», пока или если они не исцелятся.

Ибо нет никакой пользы никому от

Pulvis, cinis et... nihil.

Освободится ли кто из б. «вождей» — атаманов, правителей, генералов и членов Кругов и Рады — от «беснования», вынырнет ли кто из них из пучины морской, куда они угодили, и подойдет ли кто из них к ВК движению, тот должен подойти безоговорочно, без всяких условий, ибо позиция ВК не изменится.

Оно, как берегло, так и будет беречь и крепко держать в своих руках «исцелившиеся от беснования» вольно — казацьи кадры и находить среди них своих верных и надежных ему атаманов, членов правительства, своих генералов и своих членов Круга («варяги» ВК не к лицу).

Казачий парламент — Круг (которому в последнее время некоторые казацьи круги стали уделять довольно внимания) явится действительно Державным Хозяином Казачества лишь тогда, когда он, выражаясь нашим эмигрантским языком, будет строго — настрого вольноказачьим. Только такой Круг даст Казачеству так нужный ему результат. Если же (паче чаяния) в собранный вольными казаками будущий Круг попадут «бесы» (если они, «утопившиеся», воскреснут), и попадут на том лишь основании, что они «бывшие» (б. атаман, б. член правительства, б. генерал, б. члены Круга), но до появления их на Круге ничем себя в вольно — казацьей работе не проявившие, нового мандата не заработавшие, то из такого Круга совершенно ничего не выйдет, ибо он будет не работать, а искать (как искал прежде) про-

грамму своей работы, будет ломать над ней копыя, сговариваться — «объединяться», и, ничего не найдя, разбегится, ничего не сделав.

Нет. Не так. Интересующий нас будущий ВК Круг не будет иметь нужды в искании своей политической программы. Она нами найдена давно (девять лет назад), она нами выкристаллизована, отшлифована и заведена в рамку, как казацья заповедь, которую должен знать каждый казак. Интересующий нас будущий ВК Круг там должен будет дать максимум своей работы, а не каким-то, никому не нужным, с кем-то сговорам.

Дальше. Чтобы ВК Круг был деятелен, он должен быть строго единомысленным, т. е. все члены этого Круга должны быть вольными казаками, известными ВК движению, прошедшими через вольно — казацью школу, и, повторяем, должны будут заработать свои полномочия своей работой на пользу ВК.

Ярлык же только «б. атамана», «б. правителя», «б. генерала», «б. члена Круга, Рады», — недостаточен, ибо вольные казаки (или точнее — Казачество) должны зорко хранить и беречь поднятое ими Великое ВК Знамя от могущего просочиться к ним откуда — либо чуждого элемента. Должны хранить и беречь Его потому, что Оно им ценно.

Это Великое Казацье Знамя их возродило, вырастило, скрепило, вдунуло в них бессмертную душу на жизнь, сделало их «человеком, исцелившимся от беснования».

На нашем ВК Знамени горят огненные слова:

— Встань и иди! Вера твоя спасла тебя!

Это не: Pulvis, cinis et... nihil..., чем есть в большинстве бывшие казацьи атаманы, правители, бывшие члены Кругов и Рады, сидящие семнадцатый год за границей, ничего не делая (ждушие, чтобы для них сделали другие).

Итак, с одной стороны, на протяжении веков: Вера, Жизнь, а с другой — «бесы», снизошедшие на Pulvis, cinis et... nihil...

Стоит ли тогда «исцелившимся». вольным казакам рассчитывать на их помощь, на их «исцеление»?...

П. С. Автор настоящей статьи не разделяет того появившегося в некоторых казацьих кругах мнения, что ВК может стать на должную свою высоту (первая ступень высоты Казачества — его неделимость) через предварительные Войсковые Круги (чтобы донцы имели свой Донской Круг, Кубанцы — Кубанский, Терцы — Терский и т. д.).

Автор думает, что в нашей настоящей эмигрантской и будущей тамошней жизни будет гораздо рациональнее, если казаки всех Войск будут иметь один Круг, который и должен будет быть Державным Хозяином не только одного Дона, или одной Кубани, или одного Терека, а державным хозяином их всех вместе — Казаки!

В. Е.

Свящ. Д. ЧИРСКОЙ.

Мои беседы с казаками

«Пришла пора казакам говорить с казаками».

(«ВК», № 1).

Предисловие.

Давно это было сказано, больше девяти лет тому назад. Но этот лозунг, эта мысль теперь еще более актуальна, чем в 1927 г.

И я, исполняя просьбу казаков, выраженную в частных письмах ко мне, пользуюсь страницами «ВК», чтобы дать им общий ответ, а равно и побеседовать со всеми казаками — на правах друга всего Казачества.

Не собираюсь учить казаков и не имею права упрекать кого либо в чем либо. Не утверждаю, что мысли мои, взгляды мои — правильные, безошибочные, поэтому и выбираю форму для своих статей: «Беседы с казаками».

В этих беседах хочу поставить много вопросов. Каждый казак будет решать их по своему, но крайне желательно, чтобы эти решения, эти ответы были пода-

ны ими редакции журнала «ВК», редакциям журналов своих группировок или мне лично. Важно знать, как думают казаки, большинство казаков, ибо жизнь казацья в будущем пойдет по тому руслу, в сторону которого будут направлены мысли и желания большинства Казачества.

БЕСЕДА 1.

Пути к единению.

Вопрос: возможно ли в настоящее время объединение всего Казачества в эмиграции?

Пусть каждый подумает и даст свое решение на этот вопрос.

Я же лично говорю: нет! Объединение всего Казачества в ближайшее время есть дело неосуществимое.

Знаю, что Казачество поделено на группы и счи-

тако, что явление это есть вещь нормальная. Будут расти, усиливаться одни группы; слабеет, уменьшаться — другие.

Почему так? — Ответ на этот вопрос требует обстоятельного выяснения, это тема для большого реферата, целую книгу можно было бы написать по этому вопросу, я же ограничусь лишь кратким выяснением, — как я подхожу к решению этого сложного и большого для Казачества вопроса.

До войны Казачество мало думало над решением политических вопросов. Мысли большинства казаков были направлены в сторону улучшения своего материального и культурного быта и сохранения своих казачьих вольностей. Казачество считало себя гражданами России, и лишь единицы взлетали мыслью к манящим перспективам абсолютной вольности — независимой казачьей государственности. Так, или почти так, было до войны.

А теперь? — **Теперь казаки живут иначе, видят что то иное, знают о чем то ином, думают иначе.** Француз имеет свою Францию, серб — Сербию, болгарин — Болгарию, немец — Германию, поляк — Польшу и т. д. Былая Россия хоть и переделана сейчас на СССР, но каждый русский знает, что она есть его, русского, родина. А казак? — Спросит его кто либо: «ты — русский?» — он всегда отвечает: «Нет, я казак!». Так отвечал он и до войны.

Если казаки в эмиграции завистливо смотрят на вольную жизнь, растущую силу, богатство и культуру народов, имеющих свои независимые государства, то **может ли кто упрекнуть казака за то, что он, казак, дерзновенно возжелал иметь свое государство, свою Казачию?** А раз такое, — по мнению одних — преступное, — желание закралось в душу казака, сверлит его мозг, то он, читая казачью прессу, ищет созвучие своим мыслям, враждебно ставится к инакомыслящим. Он углубляет раскол и раз'единение. Нет средств, чтобы заставить всех казаков думать одинаково, нет, поэтому, и средств для предотвращения этого явления: раскола, партийности, раз'единения.

В журнале «Вольная Кубань», в ном. 4 за 1936 г., читаем: **«Истина, что единение, а не раз'единение является силой».** Мысль вполне правильная, только, на мой взгляд, не досказана она до конца. Спрашивается: единение чего, каких сил, каких элементов? Соединить, напр., масло с водой очень трудно, нужна слишком высокая температура... Казак Н. хочет быть гражданином будущей свободной (его участием освобожденной) России, а его приятель, казак Х. хочет быть гражданином своей (его участием освобожденной) Казачии. Как их соединить? Убедить? — А поддается ли силе убеждения фанатизм?

Чтобы из железной руды получить железо, нужно сначала раз'единить руду на составные элементы... **Чтобы соединить большинство казаков** (задача ближайшего будущего) **в рать однородную, с одной волей — желанием, нужно сначала заставить их думать,** надо развить их в сознательных единиц. А в процессе этого развития старая формула: слушаться, повиноваться старшим, начальствующим, — в условиях эмигрантской жизни, — может быть только помехой. Для казака — эмигранта старшим, начальником может быть только особа одной с ним, казаком, мысли, цели, желания. Может быть особа, превышающая казака знанием и опытом, преданная его, казака, идее. Только такая форма подчинения возможна в условиях эмигрантской жизни, ибо начальствующие не имеют средств (добавим — честных) принуждения для инакомыслящих.

Читаем, далее, в казачьей прессе:

«Задача зарубежных казаков: построить единый казачий фронт, равняясь на Войсковых Атаманов» («Кавк. Казак», ном. 2 за 1935 г.).

Мысль тоже, может быть, правильная, но тоже, на мой взгляд, недостаточная. «Единый казачий фронт» — против кого? Для борьбы с кем и за что? Если бы, — что невозможно, — китайцы заняли Казачьи Земли, то для освобождения от этих врагов в три дня можно было бы создать единый казачий фронт. А если казакам скажут: садись на корабли, поплывем к Ленинграду, выбьем оттуда большевиков, потом зайдем Москву, выберем царя или президента и будем, как встарь, служить России... Спрашиваем: для такой борьбы можно ли создавать единый казачий фронт?

Еще один пример. Скажут: садись на корабли, поплывем в Азов, освободим Казачьи Земли, устроим свою вольную жизнь в независимом государстве Казачии, а потому поможем русским освободиться от большевиков. — Для этого дела тоже можно создать единый казачий фронт, но тут, в умах казачьей массы, станет вопрос по адресу своих Атаманов: А не обманите ли?

Еще более не ясна вторая половина фразы: «равняясь на Войсковых Атаманов». Каких Атаманов? В 1935 году донцы выбирали себе Атамана. За графа Граббе подано было 2373 голоса. А где остальные?

Спрашиваем: есть ли в условиях эмигрантской жизни, при отсутствии средств принуждения, возможность слить донских казаков в одну рать, повинующуюся всякому приказу гр. Граббе?

«Равняясь на Войсковых Атаманов»...

В голову просится вопрос: почему, в силу какой общности самая разншерстная публика (военные, рабочие, каторжане, интеллигенты, крестьяне) равнялась на вахмистра Буденного? Оборванная, в лохмотьях, эта масса все более выросла в боевую силу — армию, била — побеждала высококвалифицированных генералов Добармии... В чем секрет «равнения» на этих, игрой судьбы дарованных, вожаков русской революции: Буденного, Ворошилова и др.?

Когда читаем пропитанные чувством сердечности строки пасхального приветствия Кубанского Атамана, а в этих строках проглядывает чувство безнадежности в отношении казачьего будущего, — в голову лезет мысль, что в будущем не генерал В. Науменко, а кто то иной вихрем взлетит впереди казачьих рядов и фанатичной верой в свои думы — идеи, верой в красоту казачьего будущего, волей железной к достижению Казачьей Цели увлечет их в бой.

Ген. Науменко упрекает казаков, что их журналы «приобрили партийную окраску», что «отрадно читать такие издания, которые посвящены воспоминаниям славного прошлого наших казачьих Войск», что жизнью настоящей «мы мало интересуемся, посвящая главное внимание вопросам политическим и решению задач, которые разрешаются жизнью без нашего участия». («Кавк. Казак», ном. 3 за 1935 г.).

Беру на себя смелость утверждать, что **теперь ни один сознательный казак не согласится на то, чтобы жизнь сама, без его участия, разрешала его судьбу в будущем.** «Каждый человек своего счастья кузнец», — го ворит народная мудрость. Можем, поэтому, обобщить: **каждый народ кузнец своего счастья.** А «без нашего участия» кто то иной за наш счет будет ковать свое счастье. И казаки, вопреки своим обычаям, — повиноваться своим Атаманам, могут быть увлечены судьбой дарованными вождями, даже и не Атаманами, когда увидят, что с этими вождями вернее можно ковать свое счастье.

Казачество! Соедини свои мысли — желания к достижению абсолютной своей вольности и из своей роды роди вождя — Атамана, как родило такое же желание растерзанных поляков — Пилсудского, побежденных немцев — Гитлера, утративших свое былое величие итальянцев — Муссолини!

А если миллионные массы казаков там, в Родном Краю, его, Вождя, уже выстрадали, родили, хотя скрыт он сейчас, пойдете ли вы, казаки, покорять для России свой край и земли своих соседей?... — Об этом теперь нужно думать. Нужно казакам говорить прежде всего с казаками. **Теперь говорить, думать, решать, чтобы еще раз потом не сетовать на ошибки, неудачи, напрасно пролитую кровь...**

С четырехлетнего пребывания на фронте я вынес убеждение, что скорее гибнет тот воин, который боится смерти. Храброго, бесстрашного смерть сторонится, — поединка с сильным боится. Казачество сейчас воюет, — борьбу ведет со своей политической неподготовленностью к разрешению своих казачьих задач. И в этой борьбе, как и во всякой иной войне, есть храбрые, есть и боязливые. Если врагами будем считать партийность, распри, раз'единение, то храбрые не считают количества народов, а с присущим всех храбрецам упорством, не подаваясь назад, смело идут вперед.

Вернемся еще раз к высказанному в начале сей беседы положению: Казачество поделено на группы — и считаем, что явление это есть вещь нормальная.

Казачество живет в разных странах. Граждане этих

стран так или иначе влияют на выработку убеждений и взглядов казаков. Казаки во Франции испытывают на себе один влияние, впитывают в себя частицу французского «я». Казаки в Германии вырабатывают способности немецкого жизнеустройства. Казаки в Польше ведут упорную борьбу за существование, разбросаны по ее, Польши, углам... Некоторые культурные казачьи силы вырастут в Чехии и дадут Казачеству сильных знанием патриотов... Но казачье внимание сосредотачивается особенно на казаках, проживающих в родных по вере Сербии и Болгарии. Много там казаков, много войсковой старшины, интеллигенции. Казалось бы, что под кровом гостеприимных, родных по вере славян Казачество в этих странах должно бы составлять именно объединенную рать, что там именно легче всего создать единый казачий фронт.

Так ли есть в действительности?

5-18-X 1936 г. Его Святейшество Патриарх Сербский Варнава особой грамотой преподал патриаршее благословение всему Казачеству. Грамота эта приурочена была ко дню 240-летия официального (русского) старшинства Кубанского Войска и ко дню 50-летия священнослужения Архиепископа Гермогена, Донского казака. Его Святейшество, питомец Петроградской духовной академии, таит в своем сердце понятную признательность России. Эта признательность выражена в грамоте, как желание и вера, «что уже недалеко то время, когда вновь в России будет православный батюшка - царь, у которого вновь будут славные и непобедимые казаки. Тогда с великой радостью вы поднимете ныне сооруженный св. образ Аксайской Божией Матери и унесете его из Белграда в ликующую, воскресную Россию». («Вольная Кубань», ном. 4 за 1936 г.).

В той же Сербии есть 20 вольно - казачьих организаций, объединившихся с целью создания независимого казачьего государства Казакии. Это не так много. Но из истории народов, особенно из церковной истории, знаем, что и небольшие группы фанатично настроенных, преданных своей идее людей, увлекали за собой большие массы людские...

Святейший Патриарх благословляет всех казаков на дело «восстановления матушки России» (в той же грамоте), а непослушные фанатики казачьего национализма игнорируют суть благословения Первосвятытеля приютившей их страны и ставят себе целью — борьбу с этой матушкой, — красной ли, белой ли, — все равно какой Россией!

Е.Ф. ЯКИМЕНКО.

Перед первым походом

(К 19-й ГОДОВЩИНЕ НАЧАЛА КУБАНСКОГО ПОХОДА).

В первой половине января занятия в училище (в Екатеринодаре) с только что принятыми на младший курс юнкерами («зверями»), шли нормально, даже усиленно, хотя нас и удивляла эта спешка, т. к. приехавшая из Киева школа переименована была в училище, объявлен двухлетний курс и проч.

После 15-го января картина несколько изменилась. В занятиях, особенно в лекциях, замечались перебои. Юнкера все чаще и чаще стали назначаться в наряды. Правда, это было и раньше, но носило это тогда иной, случайный характер, а теперь вошло уже в правило.

Перед двадцатым числом января начальник училища, полк. Щербович - Вечер, собрал портупей - юнкеров и объявил им, что большевистские войска двигаются на Екатеринодар, и что не исключается возможность, что училищу придется выступить на позицию, как не исключена возможность и эвакуации самого училища, хотя он тут же оговорился, что теперь, правда, ему легче решать такие вопросы, чем это было в Киеве, т. к. теперь Кубанское Войско приняло училище под свое покровительство, теперь оно является хозяином училища да и юнкера на 90 процентов кубанские казаки. (В училище было несколько донцов и несколько терцев. Е.Я.). Позаботится о них свое Войско. Не будем обижены и мы, не-казаки. Казаки народ добрый. Защитят и нас, прищельцев...

Долго велась беседа. Присутствовали курсовые офицеры и некоторые лектора.

Что это? — Бунт? — Грех? — Попраание старых традиций Казачества, когда то оружием своим способствовавшего усилению этой матушки?

Мысль идет далее. А что, если через год - два к сотням вольных казаков (кроме них есть, знаю, в Югославии неведомое мне число казаков националистов, борющихся за ту же цель) да примкнет еще несколько сот или, — все возможно, — тысяч? И если в процессе международных осложнений кто то третий (враг сильной неделимой России) предложит: идите созидать свою Казакию, воевать с СССР (Россией)... И если, далее, эта горсть, придя в родные края, будет встречена земляками, как друзья освободители, — какую позицию, какую линию поведения должны будут занять к ним остальные казаки? Воевать с этой горстью и с родным Казачеством во имя сохранения России?

Пути к единению...

Сталин «обединил» Казачество. Принуждением, ссылкой, расстрелами заставил молчать Казачество. А заставил ли перестать думать, чувствовать, желать?

Что Сталин сеет ненависть казаков к России, это факт. Что Казачество вырастило в эмиграции огромные кадры культурных и политических работников — это тоже факт. Казачество в Родных Краях набирает сил, зарубежное растет культурно и политически. Эти две силы родят иную, чем до войны, жизнь Казачества.

Существует «Лига Возрождения Казачества». Полагая, что **все Казачество в эмиграции находится в состоянии возрождения** (не материального, конечно). **Проходит школу, школу жизни. Учится ковать свое казачье счастье.** И чем больше каждый челн славной казачьей семьи будет учиться, будет принимать самое деятельное участие в жизни - деянии своей казачьей организации; будет принимать участие в съездах, собраниях, дискуссиях; будет увеличивать свою прессу, — тем скорее будет кристаллизоваться мысль и желания всего Казачества, будет расти объединение вокруг своих, большинством Казачества приемлемых лозунгов.

Кто ищет, упорно ищет, тот найдет. А кто сидит, замкнувшись в своей норе, не зная жизни, не видя света, тот бесследно, как крот, уйдет в небытие.

Я же верю и знаю, что Казачество найдет пути к единению, ибо упорно, борясь, споря, ищет их.

По пути к вольной, независимой жизни смело и boldly идет пока лишь часть Казачества. К ним пристанет каждый, кто не хочет быть батраком у чужих, батраком у соседей...

Отпуская портупей - юнкеров, начальник училища приказом всем — и портупей - юнкерам, и г. г. офицерам — быть готовыми к тому, что придется выступить на позицию.

Прошел день - два. Тревожные слухи наполняют Екатеринодар. День начался, как всегда. Молитва, завтрак, муштра... Одиннадцать часов — развод караула, завтрак и приказание собраться в поход...

Юнкерская муштра сказывается. Все готовы. Дополнительные патроны получены. В вещевых мешках продовольствие (консервы) на три дня. Одежда, вместе с палатками, в скатках. Выстроились. Начальник училища сказал краткое слово, какое в таких случаях полагается говорить.

Вышли на улицу. Крепкий морозец, румянивший утом молодые лица юнкеров, несколько ослабел. Зимнее солнце освещает присыпанные снегом крыши домов. Сотни выстроились. Надлежащие команды поданы и две сотни юнкеров, в колонне по отделениям, двинулись в сторону Владикавказского вокзала.

Шли не по Красной, а по Бурсаковской улице. Шли стройно, по юнкерски. Первая сотня затянула было песню: «Чубарики чубчики»... Песня явно не ладится, несмотря на все старания фельдфебеля. Она не захватывает юнкеров - казаков. Из рядов второй сотни раздаются казачья пластунская песня: «Как по тем горам скалистым шли кубанцы молодцы»...

Хорошо на душе. Бодрит родная казачья песня, сло-

женная в бранные дни, каких так много было у казаков.

Вот и вокзал. Остановились. Ждем поезда. Прошел час — другой. Январский день клонился к вечеру. Наконец, уезжаем в сторону Георгие — Афипской.

Выгрузились на полустанке Энем. Тут «главные силы» защищающих столицу Кубани. Немного этих «главных сил». Как кот наплакат...

Наш приезд вливает столько энергии, что уставшие и изверившиеся люди оживают.

Неудобно, в тесноте теплушек и станционных построек, провели ночь. Утром выступили в сторону Георгие — Афипской. Осторожно идем по болотистой, чуть скованной морозом, местности. Пока все спокойно. Изредка, где либо на фланге, раздастся выстрел.

Болотистые места остались позади. Резко изменилась и обстановка. Со стороны Георгие — Афипской явно обозначается наступление. Усиливается огонь — ружейный и артиллерийский. Развернулись в боевой порядок. Рассыпалась в цепь первая сотня. Начался настоящий бой. Огонь большевиков все усиливается, но скоро мы заметили, что урону большого он нам не приносит.

Новые резервы «главных сил» втягиваются в бой. Начался отход большевиков. Отстреливаясь, отходя они в сторону станции Георгие — Афипской, думая, несомненно, удержать за собой мосты через реку Афипис.

В этом, сначала вялом, потом горячем и беспорядочном бое, прошел день. Наша победа, продвижение вперед очевидны. Уже темнело, когда привели небольшую группу пленных. Тут их допрашивал капитан Делов.

— Кто командует тут всеми большевистскими силами?

— Юнкарь Яковлев, — отвечали пленные в один голос.

— Как юнкер, какой юнкер? — переспросил капитан Делов.

— Самый натуральный юнкарь, — ответили те....

Мы, юнкера, присутствовавшие при этом, переглянулись. Трудно было представить себе, чтобы у большевиков, которые, вероятно, пуше всех ненавидели юнкеров, юнкер попал в командуемые.

Пленных отправили в штаб капитана Покровского. Что с ними было дальше, не знаю.

— Ну, если там юнкер командует, то тогда не страшно. Тут все таки командуют учителя юнкеров, да и воины юнкера, — острит один портупей — юнкер.

Рассвет был еще далеко, когда все было приведено в боевую готовность. Тут к нам пришел капитан Покровский (генерал впоследствии и палач Кубани), но ему указали вежливо, но твердо, что и без его военных талантов обойдемся.

Рассвет. Начало боя. Разгорается схватка весьма серьезная. Идет бой за обладание мостами через Афипис. В полуверсте от моста р. Афипис изгибается в колено. Направляются юнкера туда с пулеметом. Место это не охраняется. Это дает возможность бить по большевикам, защищающим мост, во фланг.

Мосты взяты. Мощные, короткие удары юнкерских сотен начинают чувствоваться противником. Юнкера явились решающей силой. Враг сломен и бежит. На станции еще, вероятно, не представляют, что происходит в 1 - 2 верстах.

Вот уже и вокзал. Стрельба становится все беспорядочнее. Дымящие поезда покидают вокзал. Приближаемся к станционным постройкам. Сильный пулеметный огонь встречается нас. Стреляют из окон вокзала. Минутное замешательство. Прикрываясь постройками, вагонами, заборами, двигаемся вперед. Падают раненные юнкера. Есть ли убитые, еще не знаем.

Вплотную подошли к вокзалу. Близко совсем. Огонь еще более усилился. Правый фланг открывает правильный огонь залпами. Левому приказано быть готовым к атаке. На правом фланге слышим: Ура! и в сторону станции бегут юнкера. Подымаемся и мы. Очередь пулемета поливает нашу цепь. Падают раненные. Бежим. Уже на пероне. Огонь утих. В станции несколькоtrupов. Тут же был застрелен и юнкер Яковлев, командовавший большевиками.

Победа была полная. «Главные силы» пошли преследовать большевиков. Юнкера испортили телеграфные

и телефонные аппараты на вокзале и свернулись, ожидая приказаний. С помпой въезжал потом Покровский в Екатеринодар, уже произведенный в полковники. (Командовавший фронтом войск старшина Голаев убит в бою).

Вернулись в училище. Недосчитали несколько десятков юнкеров. Убитых было только два: Бичуков и Захаров младший. Остальные ранены.

Несколько дней занятия снова производились нормально, а потом опять начались перебои. Назначение в наряд. Гарнизонная служба. По несколько дней, вопреки воинским уставам, не сменялись караулы.

Время от времени стали попадать в здание училища летучки и прокламации, призывавшие юнкеров «идти с народом».

Где они печатаются? Почему не отыщут это гнездо те, кому надлежит этим вестать?

В феврале месяце, после несения караула в местном арсенале в течении нескольких дней, возвращаемся в училище и тут узнаем новость, что юнкер Бородиня (называю его настоящей фамилию, т. к. он пал смертью храбрых 30 марта под г. Екатеринодаром), куда то исчез из училища. Передается это друг другу шопотом.

— Может быть пошел к большевикам командовать, — острят некоторые. Но после выяснилось вот что.

Решено было найти типографию, где печатаются летучки, прокламации и вообще большевистская агитационная литература. Как найти? Бородиня знал типографское дело, т. к. до поступления в училище служил в Областном Правлении и работал в областной типографии.

С документами Ростовского совдепа (конечно, подложными) о том, что он наборщик, в рабочем костюме, в кепи, он отправляется на Дубинку к предполагаемому агитаторам и — попал в цель. Его приняли на работу, но предупредили, что работа будет ночная. Две ночи он набирал разные листовки, а третью вся типография была арестована. Юнкеров, ходивших арестовывать, предупредили, чтобы они ничему не удивлялись, чтобы они там не увидели. Но удивлению все же не было предела, когда среди рабочих типографии юнкера увидели юнкера Бородиню. Поручик К... оставил караул в типографии, а арестованных, в том числе и юнкера Бородиню, увел в старое полицейское управление (на Бурсаковской улице, если память мне не изменяет). Юнкер Бородиня ничем себя не выдал, что он знает людей, пришедших арестовывать. Там, в полицейском управлении, арестованных подвергли допросу каждого в отдельности, а после допроса они были посажены в подвал, где уже было несколько десятков арестованных, в том числе и Яков Полуян (Ян Полуян. Он в ночь отступления, в числе других, был взят заложником, но бежал из под караула при прохождении по городу. Говорили тогда, что способствовал его побегу юнкер С., его станичник и ученик, но доказать это не удалось, т. к. портупей — юнкер, начальник караула, категорически это опровергал)...

Юнкера Бородиню, конечно, отпустили. Он явился в училище в том же рваном пиджаке и кепи, чем привел всех в недоумение. Только теперь стало известно, какое задание он выполнил, а именно: открыл типографию, где печатались большевистские воззвания.

Половина февраля. Занятия совсем прекратились. Небольшими командами юнкера разбросаны были по городу. Несли караул на Владикавказском вокзале, где менялись с реалистами Кубанского Войскового реального училища, в местном арсенале, в первой мужской гимназии и др. местах.

В двадцатых числах февраля атмосфера в Екатеринодаре была уже довольно нервной. Все ближе и ближе раздавался орудейный гул. Но все кафе, кабарэ были переполнены. В свободный вечер, когда разрешалось выходить в город, противно было ходить по Красной улице, где так била в глаза эта несвоевременная веселость.

Начальство училища явно нервничало, но принимало меры к тому, чтобы случайности не захватили нас врасплох. За несколько дней до оставления Екатеринодара начальник училища собрал всех юнкеров, не бывших в тот день в наряде, взял с нас честное слово, что все то, что он сейчас скажет, не будет разглашено.

Он начал с того, что поинформировал нас об истинном положении, которое он находил критическим и без-

надежным. Указал на то, что несколько раз предлагал командованию (командовал тогда уже Покровский) свое училище, чтобы разбить группу большевиков, движущуюся со стороны Тихорецкой, но всегда получал заверения, что положение не такое уж безнадежное, чтобы бросать туда юнкеров, этот первосортный боевой материал. Теперь, он находил, что нет никакой уверенности в том, что через несколько дней большевики не возьмут г. Екатеринодар. Поэтому он приказал, чтобы всем юнкерам было выдано еще по одной шинели, приказал заменить палатки, одеяла, обувь, белье, шанцевый инструмент и даже котелки новыми...

Бодро все же приняли юнкера столь невеселые вести. Стали расходиться, остряли: а что если ничего не будет и большевики будут отбиты, не потребует ли Вечер (так обыкновенно юнкера между собою называли начальника училища) назад все обновки?

— Ну, вернем ему палатки и обмотки...

Последние дни доживал Екатеринодар. Каждый уже чувствовал, что оставление города неизбежно. У знакомых пораспределили свои скромные пожитки. Ничего своего не было нужно, но юнкера казаки, а их было большинство, все же каждый оставил при себе черкеску. Когда придется ее надеть — не важно, но нужно иметь при себе.

Как всегда, так и тут, экипировку дотянули до последнего дня, так что, за исключением шинелей, одеял и палаток, — другого ничего не пришлось получить. Да и не нужно оно было. Куда его девать, когда поход уже обозначился?

Последний раз вкусно и сытно поужинали в училище, хотя половина юнкеров и была в караулах.

После ужина приказано было собираться. Приказание было запоздалым, т. к. еще с утра все уже собралось. Все было уложено. Вещевые мешки («сидора») были полны. Начальник училища объявил, что с нами выступает весь командный состав училища и он сам, хотя и старик, тоже идет.

Нижние чины, обслуживавшие училище и юнкеров (мастеровые: сапожники и портные были из военнопленных) оставались. Они сами заявили начальнику училища, неизменно называя его Ваше Высокоблагородие, что останутся в городе, т. к. им некуда идти, да и не за что драться...

Мрак ночной давно окутал город. Вышли на улицу. Выстроились и взводными рядами тихо, без пелен, двинулись в сторону Владикавказского вокзала. В училище осталась небольшая команда юнкеров с одним портупей — юнкером, которая, дождавшись юнкеров, на

ходившихся в карауле, должна явиться с ними на сборный пункт. Остался и каптенармус, который должен был выдать пришедшим из караула юнкерам одеяла, палатки и др....

Каптенармус так и остался в Екатеринодаре. Он потом, после первого похода, говорил мне, что его задержала и не выпустила солдатская команда училища. Вероятно, это так и было, т. к. он вновь был принят в училище по возвращении последнего из похода в Екатеринодар. Во время ноябрьских событий (повешение Кулабухова), в числе других юнкеров, он был арестован «за самостоятельность», лишен портупейского звания и отправлен на фронт. Не называя его фамилии, т. к. не знаю, где он теперь и что с ним.

Одна полусотня с офицерами была выделена и двинулась на окраину города, на Дубинку. Зловещая тишина царил на улицах этого большевистского предместья. Оставались здесь до полуночи. Все тихо. Подошли как-то «отряды» со стороны станицы Пашковской. Сказали, что они последние. Полусотня же имела наказ подождать последних отходящих и двигаться потом к железнодорожному мосту через Кубань. (Впоследствии выяснилось, что не все были извещены об отходе и часть бойцов одиночным порядком догнала отряд уже за Кубанью, а часть попала в руки большевиков).

Двинулись. Подошли к мосту. Тут столпотворение вавилонское. Конные, подводы, пешие... Перешли мост и свернули вправо. Свежим ветром тянуло с Кубани...

— Разбивай палатки! — острит кто-то из юнкеров.

— Тише, не разговаривать! — соблюдают тишину...

Кто-то принес приказание идти к поезду получать консервы. Отправили артельщика с несколькими юнкерами. Принесли консервы, которых у каждого и так был запас. Оказывается, что в поезде много водки и раздают ее всем. Пошел наряд и от нас. Принесли водки. Конечно, если разделить ее на все, то будет по капле. Как то все отказались от водки. Отказались даже тянуть жребий... Не до водки было. Сейчас только поняли весь ужас нашего положения. Бодрость духа, однако, никого не покидала.

Юнкера — казаки выбросили фуражки, которые обязательно нужно было носить в училище, и все надели шапки.

К этому времени все уже переправились через Кубань. Двинулись дальше на аул Шенжий. Тут же, в темноте, раздали по куску белой материи и велели повязать им левый рукав.

Начался первый Кубанский поход...

О денационализации казачьих детей

Каждый поработанный народ, который стремится к политической независимости и хочет жить самостоятельно, может достигнуть своей цели лишь тогда, когда для национального воспитания детей делается все возможное. Этой неоспоримой истине придавали большое значение ныне свободные поляки, чехи, финны и другие культурные народы, у которых основной задачей было: национальное воспитание детей!

Казачество должно всегда это помнить. Наши дети — это наше будущее. В них сокрыты достижения, к которым мы стремимся и за которые мы боремся. В своих детях мы должны видеть будущих ответственных деятелей своей родины Казакии.

Наши дети денационализируются. А кто виноват в этом? Мы сами. Потому что сидим сложа руки и ничего не делаем, а больше надеемся на кого то.

Мы живем в эмиграции, не имеем своего государства, а потому и государственных учреждений, которые давали бы помощь в отношении национального воспитания наших детей не имеем. Следовательно, надеяться нам не на кого. Нам нужно надеяться на самих себя и на свои собственные силы. И вся вина в денационализации наших детей падает на нас самих.

Мне, бывшему народному учителю, кажется, что научить свое дитя родному языку, посеять в его сердце любовь к Богу, любовь к труду и уважение к старшим каждому из нас легко. Но переменить в нем внутреннего человека, изгладить впечатления, получаемые

им в окружающей его среде, иначе говоря: привить ему казачий дух, любовь к Казачеству и к далекой родине, о которой оно не имеет ни малейшего представления, без вспомогательных учебных пособий и руководств не так то легко.

Забота о воспитании наших детей в казачьем духе требует неотложных действий. Необходимо издать для детей старшего возраста следующие учебные руководства и пособия: историю и географию Казакии, сборник казачьих песен и издавать журнал. Для младшего возраста нужно приступить к изданию букваря, а также сборника сказок с рисунками, в которых говорилось бы о казаках, как о рыцарях — поборниках чести и справедливости. Пытливое детское воображение любит находить в том или ином сказочном герое для себя пример. Дети ищут идеалов, которым могли бы подражать.

Редакция журнала «ВК», конечно, не в силах будет покрыть все расходы, требуемые для издания этих учебных пособий и руководств. А потому мы, вольные казаки, должны оказать ей помощь своими пожертвованиями. Когда будет собрано достаточно денежных средств для этой цели, тогда, я думаю, что среди нас найдутся бескорыстные и национально стойкие педагоги, которые предложат свое сотрудничество редакции журнала «ВК».

Кто чувствует призвание к этому труду, кто обладает любовью к детям и болеет за них душою, тот не откажется от сотрудничества.

Все вышеупомянутые пособия и руководства для наших детей редакция журнала «ВК» должна будет выпустить в продажу по самой низкой цене. Есть казаки, которые «устроились хорошо», «натурализовались» и от Казачества отrekliсь, но больше таких, которые бедствуют, но от Казачества не отрeкаются.

Придавленные нищетою и горем, они не в состоянии будут оказать поддержку своим детям. Поэтому, необходимо помочь этим несчастным родителям.

А сколько казаков эмигрантов ушло в вечность?

Сколько казачат лишилось своих отцов? Матери — иностранки принуждены взять на себя заботу о добывании насущного хлеба для семьи. При таких обстоятельствах, дети лишены родительской опеки и предоставлены самим себе.

Каково может быть национальное воспитание таких казачат? Объяснения и приведение примеров излишне! Необходимо, без промедления, взяться за дело. Надо спасти тех детей, каких еще можно спасти. Надо делать, что еще не поздно делать.

Н. Кузнецов.

УКРАИНЦЫ О КАЗАКАХ

7 февраля с. г. в помещении Украинской центральной эмигрантской организации в Румынии, в г. Бухаресте, состоялся доклад сотника Долинюка (украинца) о ВК движении. На докладе этом было много казаков и украинцев. Председательствовал доктор Трепке. Присутствовали также: известный украинский журналист г. Дмитро Геродот, окружной атаман С. Маргушин и депутат парламента адвокат Михальский.

Доклад был построен и базировался на сведениях из казачьей прессы. Суть доклада заключалась в том, что казачьи Войска — республики, с падением российского трона, отделились от России и объявили себя самостоятельными государственными образованиями. Самыми видными государственными образованиями были — Дон и Кубань, но они не вполне решительно выявили свою государственную независимость и часто в своих декларациях ограничивали свою независимость оговоркой «впредь до».

Ясной и определенной программы у Казачества в период борьбы за свое освобождение и независимость

не было. И только теперь, в эмиграции, Походный Атаман ВК, кубанский казак инж. И. А. Билый **объединил большинство казачьей эмиграции на определенной политической программе казачьей независимости.**

В двухсотом номере журнала «ВК» он метко и четко (как шашкой рубит!) задает вопросы и сам отвечает на них, **призывая все Казачество стать на казачий шлях, на шлях государственной независимости Казачества.**

Доклад удовлетворил аудиторию и докладчик был награжден дружными аплодисментами.

Окружной атаман С. Маргушин от имени вольных казаков в Румынии благодарил докладчика, а также и руководящих лиц украинской эмиграции в Румынии: доктора В. Трепке, полк. Пороховского и Дмитра Геродота и весь украинский секретариат за моральную поддержку ВК организаций в Румынии.

Слава Казачеству и его верным историческим союзникам украинцам!

Станичный атаман Бухарестской ВК станицы:

Я. Дулимов.

Казачья эмиграция

ВК во Франции

ПО ВК ОКРУГУ.

1. Зачисляю в списки Округа казака ВВД — И. Лежнева с 1-го марта с. г.

2. Зачисляю в списки Округа новый ВК хутор имени полк. И. Назарова, образовавшийся в г. Монтюа (Лотарингия).

Честь и место новым борцам за Казачьи Волю и Долю!

3. Зачисляю в списки Округа новый ВК курень образовавшийся в г. Бордо, утверждая одновременно правление последнего в составе: атаман — И. В. Чуприна, писарь — А. Диановский.

Честь и место новым борцам за Казачьи Волю и Долю!

4. Утверждаю выборы должностных лиц, произведенных станичным сбором ВК имени А. И. Кулабухова станицы в г. Париже от 14-го февраля с. г. в следующем составе: атаман — полк. И. Н. Плахов, помощник — есаул М. М. Колесов, казначей — подх. Г. П. Павлов, писарь — сотн. В. С. Семенкин, ревизионная комиссия: Е. Басакин, М. С. Бросев, Е. М. Якименко.

5. Утверждаю выборы должностных лиц, произведенных станичным сбором ВК имени атамана К. Булавина станицы в г. Туркуане от 14-го февраля с. г. в следующем составе: атаман — сотник А. Г. Дронов, помощники — подх. И. К. Кривоносов и С. М. Антипов, казначей — М. В. Красноплахов, писарь — И. А. Лаштабега, доверенные — И. С. Смагин, А. С. Кошевой, ревизионная комиссия — В. Т. Богданов, А. Г. Лесников, В. М. Шевырев.

Окружной атаман — А. Ленивов.

В ПАРИЖЕ

7-го марта с. г. Парижская ВК имени А. И. Кулабухова станица устроила открытое собрание, посвященное 19-й годовщине Степного и 1-го Кубанского походов.

Судя по числу собравшихся казаков, видно, что события эти казачью эмиграцию интересуют.

Открывая собрание, атаман станицы полк. И. Н. Плахов обратился к собравшимся с таким вступительным словом.

«До сего времени чествование годовщины Степного и 1-го Кубанского походов были уделом тесного круга непосредственных участников этих походов. Казаки, участники этих походов, являли собой, как бы, филиал обще — русского добровольчества. А поэтому вся руководящая роль в дни годовщин этих походов принадлежала добровольцам, т. е. русским людям, где Казачеству, естественно, отводились второстепенные роли. Казачество же, т. е. его руководящие верхи, повидимому, рассматривали эти события, как обыкновенный эпизод «гражданской» войны. Между тем, для нас, казаков, эти события имеют куда большее значение, чем обыкновенные военные эпизоды.

Так называемая, «великая октябрьская революция», углубляя и закрепляя «завоевания великой бескровной», угрожала самому бытию Казачества, как оплоту правды и порядка — естественному врагу всякого произвола и бесправия.

Русские люди упрекали и упрекают Казачество и по сей час, что оно не помогло Добровольческому движению. Положение в Казачьих Облaстях в то время было таково, что ему некогда было думать о свержении утвердившейся в России новой власти, а приходилось думать о сохранении Казачества, его бытия. Дело в том, что сами казаки, под влиянием революционных идей того времени забыли, что они казаки, и стали как бы расказачиваться...

Потеря веры в спасение Казачества привела Атамана Каледина к роковому выстрелу, а чрезмерный оптимизм Атамана Назарова — к расстрелу. Походный Атаман Донского Войска ген. П. Х. Попов был дальновиднее. Он доказывал, что необходимо спасти не станицы и хутора, а самую идею Казачества, полагая, вполне правильно, что если будет сохранена Казачья идея, вновь будут и станицы, и хутора. Походный Атаман не верил, что казак заболел смертельной болезнью. А по-

этому, отказавшись покинуть пределы Дона, полагал, что та небольшая горсточка казаков, уходящих в неизвестность и несущая на своих плечах такую драгоценную ношу, как Казачья Идея, явится не только укором совести казачьей, но и той живительной струей, которая бывает так необходима для восстановления ослабленного организма.

События показали, что прогноз Походного Атамана оказался правильным. Донские казаки, оставшись без Войскового Атамана, не могли не задуматься над причиной такого явления, поняли и восстали. Восстало Казачество для борьбы за свою самобытность, за свое собственное воскресение.

В этом основная и главная заслуга всех тех, кто тогда покинул родные углы и пошел в неизвестность... Казачьи партизаны, казачьи добровольцы сумели пробудить казачью совесть, сумели внушить всем тем, кто под влиянием пьяного революционного угара, на время забыл, что они казаки.

Психологическая сторона российского добровольческого движения совершенно иная. Она была построена на недовольстве небольшой группы людей сменой режима, почему русское «белое» движение и не нашло откликов на свои призывы. Русский народ не видел непосредственной, реальной угрозы своему бытию. Наоборот, он верил ширококешательным посулам новой власти.

Даже те тысячи русских офицеров, которые находились в казачьих областях, рассматривали добровольческое движение, как движение — контр - революционное против утвердившейся новой власти, которая пока что, оставляла их в покое.

Иначе обстояло с казаками. Новая русская власть определенно покушалась на самые устои Казачества, на его бытие. Казачество, искони свободное, не терпящее никакого произвола и насилия, инстинктивно почувствовало в новой власти своего смертельного врага и восстало. Что Казачество Донское в эти критические для него моменты пошло с русскими людьми, объясняется исключительно тем, что их возглавлял ген. Корнилов, имя которого в то время окружено было ореолом, а кроме того, Корнилов сам был казак.

Аналогичная картина в эти дни была во всех других казачьих областях. Каждое Войско имело свои «Степные» походы. В каждом Войске находились казаки, заботившиеся прежде всего о сохранении Казачьей Идеи.

Вот почему вольные казаки говорят, что Степной и Кубанские походы не есть эпизод «гражданской войны», а были единственным средством уберечь, сохранить Казачество от грозившей ему смертельной опасности. Не было бы Степного похода, не было бы Кубанского похода, — не было бы и Казачества. А потому, вспоминая годовщину этих походов, мы празднуем свое собственное воскресение...

Затем председатель предоставляет слово участнику похода (в составе Добрамии) **В. Г. Матеосову**.

Ст. **Матеосов** начинает с того, что рассказывает о борьбе донских партизан есаула Чернецова с наседавшими на Дон красными войсками. Говорит он и о том, что не раз приходилось партизанам встречаться и с казаками, которые, если и не держали сторону красных, то и не хотели драться за те принципы, которые провозглашали нашедшие на Дону приют русские генералы. Подробно он останавливается на том, как сам есаул Чернецов и его партизаны попали в плен. Пришлось столкнуться с донскими казаками и ес. Чернецов заявил, что он с казаками не воюет. Разумеется, что и мы, его партизаны, думали так, что со своими воевать нельзя. Говорит оратор и о том, что когда ес. Чернецов попал в плен, то Голубов, передавая пленных Подтелкову, сказал ему, что за каждого из них Подтелков отвечает головой. Случилось так, что помощник Чернецова — Лазарев, узнав о пленении своего начальника, в двух поездах (вагонов по сорок), разместили не больше сотни партизан и двинулся на выручку пленных. Когда подехавшие открыли огонь по группе казаков, сопровождавших пленных, то ес. Чернецов крикнул: «Ура! наши пришли!» В последовавшей затем схватке и нашли пленные смерть, хотя некоторые и спаслись.

Переходя непосредственно к походу, ст. Матеосов говорит о том, как партизаны попали в поход с ген. Корниловым, а не пошли в степной поход. Ослабленные бо-

ями, ослабленные морально потерей своего начальника, которого все боготворили, партизаны были оттянуты в Новочеркасск. Добровольческая армия, отбившая наступление красных со стороны Таганрога, просила Новочеркасск прислать подкрепление. Послали партизан...

Дальше говорит о том «деликатном» приеме, какой встретили они как со стороны самого ген. Корнилова, так и со стороны верхов Добровольческой армии вообще.

Говорит, что та масса русских офицеров, которая находилась в Ростове, на призыв ген. Корнилова не откликнулась и на борьбу с большевиками не пошла. С ген. Корниловым, как и с другими генералами были, главным образом, те, кто с ними был связан прошлой службой, «буховским сидением» и пр.

Не выступила так же эта масса офицеров и в Кубанский поход.

Неизвестно мне, — продолжает он, — какие переговоры велись между Походным Атаманом ген. Поповым и ген. Корниловым. Казаки донцы, бывшие в составе армии ген. Корнилова, пошли в поход именно на Кубань потому, что некоторые генералы донцы шли туда, в частности генерал Богаевский.

Без всяких боев шли мы до самой Лежанки.

Горячий бой разыгрался под селением Лежанка. Тут пришлось встретиться с весьма солидными силами большевиков. (Это все та же 39 пеш. дивизия, пришедшая с Кавказского фронта и расквартированная в Ставропольской губ. Она всегда являлась угрозой и Кубани. **Ред.**) Бой был горячий, но все же большевики были разбиты.

Не присоединялись к нам русские люди на пути нашего следования. Присоединялись казаки. Если бы не присоединилось 800 человек казаков после боя под ст. Выселки, то, вероятно, результат похода был бы иной...

Станичник **П. А. Попов**, говоривший после ст. Матеосова, говорит о Степном походе, участником которого является. Он оговаривается, что тогда он был совсем юношей, как и большинство участников, молодые были также и начальники частей. Он подчеркивает, что рядовые борцы не задавались тогда никакими политическими вопросами. Всеми владело одно желание: быть вольными, жить вольно, по казачьи. Когда уже из Старочеркасской станицы отошли в степи, то тут произошло перестроение и партизаны стали именоваться: «Отряд вольных Донских казаков».

Если мы не задавались политическими идеями, то мы очень хорошо знали, что наше скитание в степи не бесполезно. Верли мы в то, что Донское казачество не потерпит самовольства пришельцев. Верили мы в то, что совершенно правильно поступил Походный Атаман, ген. Попов, уведя носителей вольно - казачьей идеи в степи. Знали мы все, что только в исповедании этого спасения Казачества. Наша вера, наши надежды на то, что сделанный нами шаг не пропадет даром, скоро оправдались. Как только начало теплеть, начали подыматься донские станицы, восстало Казачество за свой порог и угол...

Затем атаман станицы предоставляет слово Походному Атаману **В. А. Билому**, который начинает так:

Случилось так, что 19-й раз уже Добровольцы, отмечая начало первых походов, постепенно «затушевывают» первые казачьи походы. Говоря о своем, постепенно покрывают своим казачье. Не только чужие, но часто и сами казаки привыкают постепенно связывать свой первый поход с походом Добровольцев. Больше того: даже некоторые донские казаки, которые тогда отказались идти с Добровольцами, а ушли в свой Степной поход, теперь, за границей, идут с Добровольцами, помогая им присваивать казачье...

В казачьей истории случалось не раз, что казаков окрадывали о их славу, о их историю. И случалось — не раз, — что помогали тому сами же казаки...

И на сегодняшнее собрание надо смотреть, прежде всего, как на попытку восстановить и подчеркнуть перед казаками важное в их истории их событие, взять себе свое, не отдать его другим...

Можно по разному подходить к своему прошлому...

Первый казачий «семнадцатый год» еще ждет своего большого казачьего историка. Но мы, пережившие его и стоящие накануне второго своего «семнадцатого года», не можем ждать того историка с его приговора-

ми. Нам уже сейчас нужна «наука» первого, чтобы не повторить его еще раз...

Вот почему, вспоминая и восстанавливая правду о своем прошлом, мы хотим учиться, чтобы делать сейчас и в будущем лучше, чем делали в прошлом.

Не раз я говорил уже, что казаки не смеют делать больше ошибок, что будущую борьбу должно выиграть.

Остановившись на обстановке 1917 года на Кубани, на расхождении казачьего «фронта» и «тыла», на положении тогда казачьей власти и ее бессилии, оратор кратко говорит о начале войны, а потом и о самом первом Кубанском походе и выражает сожаление, что кубанцы не встретились тогда уже с донцами... Жаль, что и донцы не стремились на соединение с кубанцами...

Возвращаясь снова к общей характеристике тогдашних событий на Дону и на Кубани, И. А. Билый продолжает:

19-ть лет тому назад было три похода: Донской Степной, первый Кубанский и Добровольческий.

Ушли в свои походы и донцы, и кубанцы, и добровольцы потому, что все они потерпели тогда неудачи, но с неудачами не примирились, не пожелали считать себя побежденными.

Уходя каждый в свой поход, уносили с собой свои политические и военные надежды, уносили непримиримость к противнику, веру в будущую победу.

Но эти надежды и вера у русских и казаков были разные...

Не одинаковы были цели походов.

Что привело казаков тогда к поражению? Что создало тогда политический хаос на Дону и на Кубани (равно как и в других Казачьих Войсках)? Почему поделилось тогда Казачество на «фронт» и на «тыл»?

Общая причина тогдашних неудач, приведших Казачество к катастрофе, — это, прежде всего, его политическое младенчество, политическая неподготовленность к своему первому «семнадцатому году».

Не было тогда еще у Казачества своей национальной программы. Больше знали, чего не хотели, чем то, что хотели...

Поделались тогда казаки. Одни пошли с русскими большевиками, запутавшись между Казачеством и красной Россией... Другие пошли с русскими добровольцами против красной России за Россию старую...

Казаки фронтовики оперлись на русских товарищей и требовали, чтобы уступили казачий тыл. А казачий тыл — вольно или невольно — связался с русской контр-революцией и требовал, чтобы уступили фронтовики.

Казаки с казаками непосредственно, без чужих посредников, или не хотели разговаривать, или не договаривались.

И «тыл», и «фронт» «бродили», запутались между русской революцией и контр-революцией.

1917 год предопределил всю последующую казачью трагедию, все последующие наши проигрыши.

Потому что казаки не были готовы, потому что не имели программы, потому что разбился по чужим лагерям и не сумели объединить Войска, — делали одну ошибку за другой...

Не родило тогда Казачество и своего национального вождя, который в тяжкую годину вывел бы его из беды и указал правильный национальный шлях...

В прошлом ушли казаки в свои походы по разным маршрутам. В результате все попали под Деникина и пошли делать не казачье дело. Раз'единенные, без своей яркой идеи, казаки проиграли.

А теперь? Перед новым «семнадцатым годом» — встретим его так же не объединенными, снова пойдем в разные походы, или, собравшись вместе под одним казачьим национальным знаменем, с единой программой, пойдем в один поход к единой казачьей цели — самостоятельному казачьему государству?

Тогда проиграли. Теперь должны выиграть. И выиграем, если все станем на службу только Казачеству, выиграем, если сами мы поверим в свои силы...

Собрание носило такой характер, что исключало прения и дискуссию. Однако, непосредственные участники ки прошлых событий просили председателя дать им слово.

Первым говорит есаул **Збронский**, который указывает на то, что почти уже два десятка лет, как Казачество несет свой крест, переживает беду и не по своей

вине в полной мере. Он напоминает, что в свою станицу он пришел из полка 5 января 1918 года, а через пять дней должен был собраться вновь, чтобы идти на борьбу, но уже на борьбу за свое. Он говорит, что на первом же митинге в станице понял, к чему все идет. Другие не поняли. Не поняли они еще и потому, что не было авторитетного лица, которое бы позволило на борьбу и раз'яснило бы смысл этой борьбы. У всех русских была ясная цель борьбы. Даже теперь, через два десятка лет, когда в Испании встретился с советским комиссаром русского эмигранта, то он сказал комиссару, что цели у нас одни, только пути к их достижению разные. Маршал Блюхер в письме, недавно опубликованном, адресованном русскому «белому» генералу, тоже говорит об одной с ним цели. Одна цель была и раньше у всех русских. Теперь и мы, казаки, начинаем понимать наше положение. Начинаем собираться с духом, идем друг к другу. Это хорошо, хороший признак. Нужно еще ближе подходить друг к другу, лучше нужно понять наше положение и наше желание. Все за одного — один за всех — вот что должно владеть нами и тогда мы добьемся своего.

Станичник **Кулягин** начинает с того, что он тоже участник партизанских отрядов, но в поход не попал, как не попали в него и многие другие.

Но если те, кто ушел в походы, оказали несомненную пользу Казачеству, то и те, кто оставался по станицам, не сидели без дела. Рассказывает он о тех трудностях, какие встречены были ими на пути к своим станицам и хуторам. Рассказывает и о первых опытах «социализации» большевиками добра, нажитого потом и кровью трудящегося Казачества.

Утверждает, что если бы не было и этих походов, о которых мы сегодня собрались поговорить, то все равно Казачество возстало бы, т. к. не могло терпеть бесчинства непрошенных гостей.

Отмечает и особо подчеркивает, что многие офицеры, находившиеся в станицах, не принимали в начале никакого участия в деле организации восстаний против большевиков...

Ген. **Тарарин** начинает с того, что от имени союза Степняков благодарит устроителей сегодняшнего собрания. Сами «степняки» довольно скромно чтли эту печальную годовщину. Служили панихиды, молебны. Явление Степного похода есть одно из тех явлений, которое имеет и начало и конец. Совершенно нет надобности говорить о той моральной силе, о том моральном факторе, которым является Степной поход. Ген. Попов, вернувшись из Степного похода, отошел в сторону. Было, однако, и другое мнение о степняках. Говорили — степняки были просто предатели. Ген. Красной, первый Атаман Донского Войска, после изгнания большевиков не любил степняков. Только после степняки как бы получили права гражданства. Был учрежден крест, которым и наградили степняков. В «Донской Летописи», комиссия для издания которой была создана Донским Атаманом ген. Богаевским, о Степном походе, о его моральном значении нет почти ничего. Вероятно, наградили крестом и решили, что довольно. Об «очерках» ген. Деникина и говорить не приходится. Только в книге Зайцева «1918 год» о Степном походе и о роли ген. Попова написано то, что было на самом деле.

Когда уже со степей повернули к Дону и когда станицы стали подыматься против большевиков, то ген. Попову советовали отдать приказ о мобилизации, но он отказался подписать такой приказ, ибо он знал, что казаки сами восстанут, сами поймут, что им делать.

Заканчивая свое слово, ген. Тарарин еще раз благодарит инициаторов устройства собрания.

Нужно отметить, что все доклады, как и последовавшие потом выступления, были выслушаны казаками с исключительным вниманием.

Записал: Еф. Якименко.

ВК в Югославии по ВК ОКРУГУ.

1. 21 февраля с. г. в г. Вировитица образован ВК имени полковника Евграфа Грузинова хутор, который и зачислен в списки вверенного мне Округа.

Выбранное хуторское правление утверждаю.

От имени всего округа приветствую молодую ВК единицу и желаю ей полного успеха в подготовке для будущего служения своему казачьему народу.

2. Зачисляю в списки округа в состав Валаковский ВК имени Н. С. Рябова куреня: есаула **В. Д. Глобу**, подхор. **И. А. Браткова**, вахм. **Ф. И. Павловского**, **К. И. Демченко** и **Ф. Н. Мешечко**.

Основание: заявление зачисляемых и постановление куренного схода от 8-1-37.

Приветствую новых членов ВК движения и желаю успешной подготовки к будущему служению казачьему народу.

3. Валаковский курень имени Н. С. Рябова на основании устава переименовываю в хутор.

Отмечаю активность в ВК работе атамана Валаковского хутора **С. И. Левченко**. Дай Бог успеха и в дальнейшем.

4. Зачисляю в списки округа в состав Нишской ВК имени А. И. Кулабухова станицы: сотника **Гусева Евгения**, вахм. **Смаглия Федора** и **Спаса Ивана**.

Слава Казачеству!

Окружной атаман инж. **Н. Букин**.

В ВИРОВИТИЦЕ

Постановление

Мы, нижеподписавшиеся казаки, проживающие в г. Вировитице, собравшись сего 21 февраля, на собеседование с окружным атаманом инж. **Н. Ф. Букиным**, после обмена мнений по казачьему вопросу, единогласно постановили образовать вольно - казачий хутор, назвав его: **Вольно - казачий хутор имени полковника Евграфа Грузинова в Вировитице**.

Приветствуем нашего Походного Атамана инж. **И.А. Билого** и желаем ему полного успеха в казачьем национальном деле.

Наш девиз — Казачья Воля,
Казак — наша цель!

После собеседования состоялись выборы хуторского правления. Оказались выбранными на должность хуторского атамана — **М. К. Ветренников**, помощником хут. атамана — **М. Е. Чуприна**, казначеем — **Г. Д. Кузнецов**.

В ревиз. комиссию избраны: **Е. Т. Пальчик** и **С. Ф. Мартыненко**.

Постановление подписали:

Матвей Ветренников, **Максим Чуприна**, **Георгий Кузнецов**, **Емельян Пальчик**, **Семен Мартыненко**, **Петр Белоконов**, **Василий Ештокин**, **Харлампий Калишкин**, **Федор Авдоний** — неразборчивая подпись.

РОЖДЕСТВО В Г. БОРЕ

Как всегда, так и в день под Рождество я работал в руднике (на глубине трехсот метров) под разнотонные звуки кирок, лопат, топорков, ломов... От всего этого в «опаве» кипучий, вернее, гремучий ад... И все же, под этот грохот я мысленно ушел в прошлое, раскапывая руду и вставляя «цилуи».

Каких только картин в мыслях не прошло о доле казака, о прошлой жизни. До того замечался, что... как живые предстали передо мной казачьи станицы...

Эх! Где возможность помочь вам, мученики!... До каких пор над волей казачьей враг будет баринком?...

Два часа дня. Все утихло. Кончилась «шихта». Где по лестнице, где лебедкой, спешу наверх.

Иду домой. Тихо. Тепло, светит и даже греет солнышко. Сухо, совсем не похоже на рождественский сочельник. На Пасху и то так редко бывает. Но это для эмигранта не плохо. По колонии рудника во многих квартирах открыты окна и хозяйки повываивали комнатные цветы на окна против солнышка. Зеленеют, а не которые и цветут, как весной.

Все хорошо, да не дома... И «вечерники» ходили по сухому и теплomu. Таков был день под Рождество у нас в Боре.

Казаки вк станицы сделали звезду. Оклеили бумагой в. к. национальных цветов. Некоторые станичники, отработав ночную смену в руднике, пошли со звездой «рождествовать». В четыре часа ночи... Ночь была на редкость месячная и теплая.

Обошли многих вольных казаков и русских. Пола-

гали закончить обход к рассвету, но увы, кончили только к одиннадцати часам, но, прошли почти всю колонию. Многие были тронуты такой неожиданностью, напомнимшей прошлые, ушедшие времена. Не одна душа, видя звезду, пролила слезы, да такие жалкие, что и описать нельзя. Заходили к лицам, несочувствующим ВК идее. Везде было одно и то же замечание: «Стильно, стильно. Молодцы, казаки!»...

Наконец, звезду оставили в ресторане, где устраивалась елка. Все, что станичники «нахристославили», все пошло на детскую елку. Елка прошла хорошо.

Устройство елки было возложено на станичного атамана. По его указанию елку убирала лихая казачка **Ольга Демьянова Захлевная**. Свечи, конфеты и вообще все украшения были подвешены в порядке расположения цветов ВК флага...

Заборами станичного писаря **С. К. Бовдурца**, станичного казначея **С. Д. Мальтыза** и станичного атамана, дети приготовили стихотворения для декламации, которые хорошо декламировали. Станичный атаман собирал несколько раз детей и репетировал стихи, а также и танцы. Гармонист свой — казак **А. М. Короленко**, который никогда не отказывал в услуге и дети хорошо подготовились.

В пять часов вечера в первый день Рождества Христового ресторан был полон.

По программе, выработанной станичным атаманом, празднество елки открылось так:

— Станичники и станичницы! Празднество елки открыто. Поздравляю вас с праздником Рождества Христова! — сказал атаман станицы.

— Слава Казачеству! — был ответ.

Первым долгом воздали благодарность Югославской державе и ее Королю Петру II-му.

— Живео Краль! Живео Югославия!

Вспомнили нашего Походного Атамана и сказали: — Слава Ему! Слава окружному атаману! Слава всему ВК! Слава Казачьему Народу, терпящему там, на родной земле, Христовы муки под игом оккупантов. Слава им! Слава им!

У некоторых казаков скатываются слезы.

Атаман продолжает: «Сегодня мы празднуем праздник Рождества Христова. Этот великий христианский праздник у нас, казаков, всегда проводился в радости и какие бы невзгоды не переживались, но ко дню Рождества все забывалось, все успокаивалось. Члены казачьей семьи прощают друг другу обиды и проводят праздник Рождества в любви и радости.

«Так было у нас, станичники, под властью белобородых дедов. Так вот, по примеру прошлой казачьей жизни, станичники и станичницы, я вас призываю: оставим в стороне все то, что было нехорошего у нас в дни обыденной жизни... Так проповедывал Иисус Христос. Для того, чтобы что либо сделать хорошее, достигнуть цели, Иисус Христос проповедывал любовь, учил любить друг друга. Эта простая истина свидетельствует, что и тысячи лет тому назад признавалось, что только в единстве и любви жизнь является радостной. Так для того, чтобы сегодня здесь у нас прошло все хорошо, нужно забыть вражду, забыть злобу, а вспомнить заветы любви, ибо любовь и совесть есть залог лучшего осуществления и достижения нашей цели, а цель нашего сегодняшнего собрания есть та, чтобы мы провели хорошо сегодняшний день»...

Атамана все слушали стоя.

Дальше, согласно программы праздника, все дети встают. Казаченок **Андрей Семибратов** (десяти лет) взял звезду, вошел в круг детей и все дети, кто умел, пропели тропарь Рождества Христова.

Затем вышел казаченок **Григорий Бовдурец** (семи лет) и продекламировал гимн Казакии (проект **Б. Кундрюцкова**) «Славьтесь, вольные реки»... **Василий Криштопа** (одиннадцати лет) продекламировал второй проект «Славься Казакция, Богом хранимая»...

После выступили дети: **Татьяна Назаренко** — 6 лет, **Григорий Мальтыз** — 7 л., **Петр Величко** — 10 лет, **Алексей Мальтыз** — 10 лет, **Андрей Семибратов** — 10 л. и **Ольга Захлевная** — 12 лет и, став в одну шеренгу, продекламировали Кубанский гимн. Каждый говорил один куплет, сказав перед этим хором: «Воля Казачества!» — «Слава Казачеству!» — гремел зал.

Когда говорились последние слова: «Шлем тебе, Кубань Родимая, до сырой земли поклон», все дети ста-

ли на колени и поклонились земным поклоном, а потом, поднявшись, все опять сказали: Слава Казачеству!

Таково было выступление молодого казачьего поколения. Все присутствующие засыпали похвалами детей и благодарили тех, кто потрудился подготовить их к такому выступлению.

Потом дети взялись за руки и стали ходить вокруг елки, распевая песню: «Ты наша елочка, ты долгожданная, ты нам радости принесла». Атаман в это время зажигает свечи на елке и «жабки». Радость детей передается и взрослым.

Дальше выступления детей идут в перемежку: танцы — декламации, декламации — танцы. Первой танцевала маленькая казачка Татьяна Назаренко. Ей в помощь выступил Андрей Семибратов, лихо отбивая гопака в присядку. Таким исполнением казачьего танца дети привели всех в восторг. Хорошо играл наш гармонист Александр М. Короленко. Маленькую Татьяну сменила «мисс» вечера Ольга Захлевная, которая еще больше приковала взоры всех присутствующих. Танцовавшая пара была почти одинакова. Глядя на них, можно подумать, что родились и выросли они на просторах родной казачьей земли...

Как отцы, так и дети могут силой обстоятельств подвергнуться многим лишениям, но национальное казачье сознание, дух казачий, лихость казачью никакая сила не убьет. Мы это видим на наших детях и на основании этого можем говорить: казачья национальная цель — Казакция будет осуществлена. Много борцов за волю казачью сложили головы. В течении веков враг безжалостно истреблял лучших борцов Казачества, но казачье национальное сознание убить они не могли, а сознательный казачий народ все более проникается национальным сознанием и готовится раз и навсегда отстоять право казачьей нации. Из вековой зависимости уйдем... Уйдем к казачьей жизни, к национальной Казакции! Может это быть? Может. Все качества казачьи говорят за то... Только отстало Казачество в политике, без которой никто в мире не живет в наше время...

Малые государства Европы в 2-3-5 миллионов населения, сознавши себя национально, вступили в борьбу за свои права и свободу и отстояли ее, не убоявшись своих многомиллионных соседей и противников. К нашему стыду, чернокоже, краснокоже, арабы и др. национальности в наш век созрели политически, осознали себя национально и ни за какую цену не хотят оставаться в подчинении других народов, быть колониями, а ведут борьбу за свою независимость. Многие успели, иные еще нет. Только мы, казаки, к нашему стыду, при всех наших качествах и возможностях, не занимаемся своей национальной казачьей политикой, т. е. не объединяемся на казачьей дороге, отдали чужим пришлым людям в эксплуатацию свой край, где наши братья живут в таком порабощении, какого не знал ни один народ. До сих пор у некоторых казаков существует мнение, что нас, казаков, никто не обидит и что за нас кто то по праву правды побеспокоится. Нет, не то время настало. Наш народ сам должен взять свою судьбу в свои руки по примеру других народов. Надеяться, выжидать, отдаваться в руки чужого, т. е. быть под влиянием чужой политики — не к достоинству казака. Нас проклянут наши потомки, что мы, казаки, их предки, были так халатны по отношению к спасению своего отечества Казакции, что мы, казаки современники, не идем хотя бы наравне, если уж не способны опередить другие нации, другие народы. Мировая слава о казаках дает нам право кричать всему миру, чего мы, казачья нация, хотим. И мы будем услышаны, поверьте, братья казаки...

Танцы сменились декламациями. Вышел казаченок **Георгий Мальтыз** и декламировал стихотворение И. Коваленко (Скубани) «За мой Край Казачий...» (номер 177 журнала).

Дальше выступал Петр Величко и декламировал стих Ив. Томаревского «Братьям вольным казакам», а за ним выступил шустрый и разбитной Андрей Семибратов и декламировал стихотворение Ходькевича — Сапсай — «Надходить пора — збирайтесь всі до двора»...

Не мало было присутствующих казаков, которые в самом деле чего то до сих пор «лякаются», пугаются... Им невольно пришлось краснеть, что молодой казак,

мальчик, опередил их. Бурей аплодисментов награжден был А. Семибратов.

Потом выступил Алексей Мальтыз и декламировал стихотворение Андрея Пономарева «Призыв» (из номера 199). Своей серьезностью, выражением лица казалось, что говорит не десятилетний казаченок, не стихотворение декламирует, а действительно призывает... Алешу поднимают на руки.

Были гости, которые не были довольны, особенно этим «Призывом», хмурили брови и отворачивались в сторону. Но это русские, поборники великой России... А были гости и из русских, которые говорили: браво, Казачество!

Было таковое выступление: все дети, сколько их было на елке, стоят в полукруг. На фланге встает казачка, «мисс» вечера, Ольга Захлевная. Декламировала она мастерски и прямо гипнотизировала слушателей. Декламировала она стихотворение **Ив. Томаревского** «Братьям ВК», но начала она его с небольшим изменением: «Отцам вольным казакам». При последних словах — «Чем в рабстве оставлять своих вам детей», Ольга показывает рученкой на всех казачат, стоявших в полукруге. Дети все в один голос кричат — «это Воля Казачества!». И дальше все кланяются, сложив руки.

Зал гремел: «Бис... бис... просим»...

Сцена была повторена и когда Олю еще вызвали на бис, то она декламировала стихотворение Петра Крюкова — «Пройдут унылой чередой»...

Еще раз, по окончании декламации, дети поклонились, крикнув: «Воля Казачества!» и начали опять играть вокруг елки.

Пока дети играли, была организована лотерея. Помощник атамана предложил к розыгрышу бутылку коньяку, плитку шоколада и др... Билеты были быстро распроданы. Шоколад выиграл Григорий Бовдурец, а коньяк Н. М. Книш.

Потом с танцами выступили: Василий Криштопа и две, одного возраста, девочки в белых казачьих папехах. Их сменили другие и все хорошо исполняли казачьи танцы.

Чтобы не мешать детям веселиться, — отцы собрались в другом конце зала и затянули старинную казачью песню — «Ой, чего ж ти почерніло, зеленое поле»... Родная старина слышится и в словах и в напеве. Дальше поют: «Зібралися всі бурлаки»...

Сразу встала картина перед глазами, что было не так, как есть, и должно быть опять по иному, по казачьему. Будет еще то, что говорится в песне: «Гей, ти козаче, бери ніж — де побачиш москалика, там і ріж»...

Дальше пошли танцы. Лихой джигит **М. С. Мигоненко** и с ним **А. И. Семибратов** танцевали лезгинку. Всех в восторг приводил молодой Семибратов.

Было около десяти часов вечера. Дети наигрались вдоволь, начали им раздавать подарки. Атаман обратился к публике и просил назвать имена детей, которые в своих выступлениях особенно отличились...

Андрей Семибратов, Петр Величко, Василий Криштопа, Георгий Мальтыз и **Ольга Захлевная** получили особые подарки, а потом потянулось более чем сотня рученок к елке. Станичный атаман снимал с елки украшения и раздавал всем. Из прибыли по устройству елки были выданы пособия безработным двум казакам — Галлинному и больному Ивану Величко.

Расходясь по домам, все были довольны. Благодарили хозяина кафэ г. Жоржа за предоставление помещения.

Память о казачьей елке надолго останется у казачьих детей.

Слава Казачеству!

Сообщил: **Иван Назаренко.**

В СМЕДЕРЕВО

В прошлых годах Смедеревская ВК имени А. И. Кулабухова станица всегда устраивала на Рождество Христово елку для детей казачат. И в этом году, зная, что приближается уже праздник Рождества Христова, дети раньше уже интересовались, будет ли устроена станицей для них елка. Даже местная сербская детвора с интересом спрашивала: Хоче ли да буде ове године козачка елка? (будет ли в этом году казачья елка?).

За месяц до Р. Хр. станицей была избрана комиссия в составе: **В. И. Костюк, В. М. Сыч, В. М. Панов** и **Ф. К.**

Феняк, которым были поручены все старания по устройству елки.

На первый призыв все дети явились в станичное правление, где им были розданы стихотворения, выбранные из наших журналов, и подготовлено несколько песен. Изучением стихотворений с детьми занимались: В. Костюк и В. Панов, а по пению — Ф. Феняк и В. Сыч. Узнав об этом, явились и дети местных граждан, изъявив желание принять участие в елке. Все были удовлетворены.

Дети прилагали все старания и проявляли большие способности, а также горячую любовь ко всему своему родному — казачьему. За несколько вечерних занятий дети изучили и читали стихи с особым выражением и чувством. Также проявились большие успехи детей и в пении. В. Панов аккомпанировал на гитаре и мандолине.

Для елки было снято большое кафэ «Задужбина», в самом центре города.

Наконец, наступил и давножданный день. После обеда в 1 час дня была поставлена и убрана посреди зала большая елка, а в стороне прекрасно декорирована украинцем **Б. Н. Жежеленко** казачья вышка (пикет), с которой и декламировали дети.

К 6 часам вечера большой зал наполнился детьми, казаками и гостями. Много присутствовало и сербов, которых очень интересовала казачья елка. От полицейских властей присутствовал чиновник полиции г. **Пак**. Был священник **Елич** и другие видные граждане города.

В 6 ч. 30 м. вечера зажглась елка. Станчный атаман в кратких словах пояснил значение елки. Потом **Душан Яценко** (гимназист 3-го класса) приветствовал всех с праздником, выразив благодарность Королю Петру II и всему югославскому народу, после чего дети пропели Югославский гимн. Дальше Д. Яценко благодарит родителей за устройство елки, выразив пожелание, чтобы следующую елку пришлось устраивать уже у себя дома, в родной Казини, где нас давно с нетерпением ждут.

Потом дети пропели кубанский гимн, который также и местные граждане слушали стоя.

После этого дети начали декламировать стихотворения. Один перед другим старались они исполнить свою задачу как можно лучше.

В стихах дети изливали всю тяжесть своей жизни, тяжесть жизни там на родине, выражали надежду на светлое будущее. Слышалось между слушателями гостями: «Ведь дети родились здесь и не видели своей родины, а как они тоскуют по ней!».

Милица Селезнева и **Надя Дейнега** прочитали стихотворения, посвященные памяти покойного короля мученика Александра I, который дал нам здесь приют.

Анна Настич под аккомпанирование небольшого струнного оркестра, организованного В. Пановым, пела: «Песню памяти казачьего поэта Б. А. Кундрюцкова». С особым вниманием слушали присутствующие детский нежный голос... «Он пел нам про волю казачью»... И слезы у многих присутствующих невольно появляются на глазах...

После нескольких продекламированных стихов дети поют песни вокруг елки, а потом **Елизавета Лукьянцева** поет: «Встае хмара за лиманту»... А после — «Скину кужель на полицию».

На вышке появляется опять **Анна Настич**, встреченная бурей аплодисментов, и поет: «Казачья розмова». Тишина полная и только трели детского голоса разливаются по залу.

Потом струнный оркестр играет «Наурку» и **Митя Ступников**, в черкесске, при шашке и кинжале, пошел танцевать... Затем оркестр играет гопака, а **Никола Жежеленко** и **Милица Селезнева**, — как настоящие артисты, исполняют танец.

А дальше оркестр ударяет «лезгинку» и танцует маленький **Костя Селезнев**. По окончании несется в награду буря аплодисментов, а старик казак **Пальцев**, как всегда, награждает детей монетой: кому сколько захватит его щедрая рука. Дети довольны.

Елизавета Лукьянцева читает стихотворение: «Дед мороз» и... из под вышки появляется настоящий «дед мороз», таща за собой санки, нагруженные подарками. Пятьдесят душ детей казачат были награждены подарками.

Радости не было края. Дети забавлялись с дедом мо

розом, кто тянул его за рукав, кто заглядывал в бороду и благодарил за подарки.

Но уже поздно, дети устали, начали собираться по домам.

Еще несколько дней после того по городу можно было слышать разговор о казачьей детской елке в кафэ «Задужбина».

Соб. корр.

В БЕЛГРАДЕ

В четвертую годовщину безвременной кончины национального казачьего поэта — певца Вольного Казачества — **Бориса Александровича Кундрюцкова**, окружное правление и Белградская вк имени д-ра Фролова станица, отслужила на могиле его панихиду в присутствии семьи покойного и его приятелей.

Соб. корр.

ВК в Румынии

В ГАЛАЦЕ

Вольно - казачий хутор имени Атамана Назарова в Галаце в этом году отметил 19-ю годовщину смерти своего шефа — Донского Атамана **А. М. Назарова**.

В виду того, что точная годовщина смерти пришлось на рабочий день (во вторник), то казаки отметили ее чуть раньше — в воскресенье 1-го марта. Собравшись в условленном месте, они отправились в болгарскую церковь и отслужили там заупокойную панихиду по зверски убитым: Анатолии, Евгении, Митрофане, Василию и другим видным казачьим вождям, живот свой положившим не на поле брани, а «на плахе» за родное Казачество. После обеда устроили специальное траурное заседание, на котором были сказаны соответствующие речи и прочитана казачья литература, касающаяся светлой памяти трагически погибшего второго выборного Донского Атамана — Рыцаря Долга и Чести, ген. А. М. Назарова.

Зал, где собрались казаки на заседание, был увешен фотографиями: **А. М. Назарова**, **Е. А. Волошинова**, **М. П. Богаевского** и **В. М. Чернецова**, повитыми траурными лентами, что придавало комнате печальный вид, а присутствовавших делало суровыми, с явно выраженным на лицах раздражением по адресу врагов, проливших невинную казачью кровь первых и самых ярких светилников Донского войска, загоревшихся было высоко над Казачеством и пытавшихся возродить казачество по принципу седых предков и вольных Атаманов: **Степана Разина**, **Кондратия Булавина**, **Емельяна Пугачева** и многих других вождей былой старины, погибших так же, как и они сами, от рук предателей своих или русских людей.

Председательствовал на собрании помощ. Окр. Атамана **А. К. Бабков**, который, открывая заседание, пояснил казакам значение траурного дня и предложил им почтить добрую память своего шефа и других павших с ним вождей Казачества вставанием и трехминутным молчанием с преклонением главы перед мучениками. Все поднялись и склонили низко свои головы.

Затем председатель поделился с казаками своими личными воспоминаниями о выборах Донского Атамана ген. А. М. Назарова.

— Это было, — сказал А. К. Бабков, — в ночь под 4-е февраля ст. ст. 1918 года в Новочеркасском станичном правлении (а не в областном правл., как некоторые казаки об этом писали в казачьей литературе), расположенном на уг. Московской и Троицкой площади. Я тогда состоял на службе при штабе Дон. пластунской б-ды, н-ком которой был генштаба полк. М. А. Бояринов (тоже расстрелянный большевиками). Штаб наш был расположен почти рядом со станичным правл. — в одной школе на уг. Троицкой площ. и Ермаковского проспекта. И вот, уходя в тот вечер на заседание Круга, н-к бригады М. А. Бояринов сделал небольшой доклад своему штабу о тяжелом положении Дона, в связи с надвигающейся большевистской угрозой, а равно и со смертью Дон. Атамана А. М. Каледина. Предупреждая нас, что «вместо покойного Каледина намечено избрать сегодня другого не только голосами членов Круга, которых на лицо сейчас состоит очень мало, но и головами всех, кто будет присутствовать на этом важном,

быть может, последнем заседании, а потому я приказываю вам всем без исключения отправиться сейчас же на эти выборы».

Конечно, все мы отправились на эти выборы.

Приходим. Огромный зал станичного правл. до краев переполнен штатским и военным народом. Председатель Круга Е. А. Волошинов объявлял как раз собранию кандидатов на пост Донского Атамана: **А. М. Назарова, П. Х. Попова, полк. М. А. Бояринова** и полк. **Сидорина**, но все кандидаты сняли свои кандидатуры в пользу ген. Назарова. Последний тоже упорно отказывался и заявлял: «Сейчас очень трудная обстановка, с которой невозможно справиться, да к тому же считаю непосильным для себя этот высокий пост, хотя я не отказываюсь защищать свой родной Дон до последней капли крови от красных ратей и, если нужно будет, то и жизнь свою сложу за него». Но Круг и все присутствовавшие, а в особенности казаки 20-го Дон. каз. толка, командиром которого был ген. Назаров, требовали, чтобы Донским Атаманом был ген. Назаров.

Настойчивые и громкие крики всех: «Просим!... Просим!... Просим!...» неумолкали до тех пор, пока ген. Назаров не поднялся с места. Когда ген. Назаров поднялся, все замолкли сразу.

— Я согласен, — сказал ген. Назаров. Пост высокий Донского Атамана по вашему требованию принимаю и исполню долг свой до конца. Исполните же и вы то, что я от вас потребую, а именно: вы должны дать мне в этот грозный час к утру армию в несколько тысяч казаков, с которыми бы я мог отразить приближающуюся к столице врагов и очистить родную землю от красной нечисти».

— Дадим!... Получите!..., — раздались голоса членов Круга, которые сейчас же приступили «к организации армии».

Когда кончилось заседание Войскового Круга, продолжавшееся до 2 часов ночи, я, выходя из станичного правления, увидел безконечный ряд людей, построенных в две шеренги вниз по Московской, вооруженных винтовками, а некоторых — и шашками.

Имелось ли в этом длинном ряде людей «несколько тысяч казаков», которых просил ген. Назаров у Войскового Круга, не знаю. Факт тот, что второму Донскому Атаману ген. Назарову пришлось быть у власти всего — навсего 10 дней. Разбушевавшаяся тогда «волна» русской революции скоро вылилась из берегов Российских границ и быстрым темпом заливала соседние с нею земли и поглощала своей ненасытной пастью на пути живое и цветущее Казачество. Казаки восставших тогда было станиц, шедшие на поддержку своей столицы и Донского правительства, не достигли своего назначения и цели и с полпути вернулись к себе домой, одураченные опиумом большевистских ораторов и провокаторов, специально присланных из гор. Александрополя, Грушевска, занятого тогда уже большевиками. Последняя надежда возлагалась на только что вернувшийся с германского фронта в полном своем составе 6-й Дон. каз. полк, имевший при себе пулеметы, артиллерию и др. вооружение, необходимое для защиты столицы, но... и тот «подкормившись» и обмундировавшись во все новое «как с иголочки», показал правительству «кукиш» и разошелся по домам...

Время шло своим чередом. Дни летели за днями. Грохот красных орудий и цокот сотен пулеметов, косивших непощадно молодые жизни юных партизан, не хотевших сдать красным и пяди родной земли без боя, раздавался ближе и ближе. Жители города покидали свои места и уходили «куда глаза глядят». Печальный вид принимал и сам город. Горешие на солнце золотые главы Войскового собора, казалась, с каждым новым днем блекли под впечатлением надвигавшегося Безбожества и Богохульства. Под гул орудий и смертный напев пулеметов, 12-го февраля отступили остатки казаков и последние силы непокорных партизан, а за ними, чуть ли не вслед, вступили в Новочеркасск красные казачьи полки под командой войск. — старшины Голубова и принялись наводить «свой порядок» в городе. Сам же Голубов с небольшим числом красных казаков ворвался в залу заседания Круга и обозвав всех членов Круга бандой контр — революционеров, скомандовал им «встать!». Все встали. Лишь один Атаман ген. Назаров не встал. Голубов приказал одному из своих подчиненных сорвать с Атамана золотые погоны, но и тут Атаман не дрогнул и дал казаку красному «по морде», сказав: «Пошел вон, мерзавец, ты меня ими не жаловал!». И лишь силою он был схвачен, и, в числе других, брошен

в каземат городской гауптвахты, где сидел еще не так давно сам Голубов.

Мало пришлось Атаману и другим генералам сидеть на гауптвахте, так как жаждущие казачьей крови Московские сатрапы настойчиво требовали их казни. 18-го февраля ночью, под предлогом перевода с гауптвахты в городскую тюрьму, Донского Атамана, Е. А. Волошинова и еще несколько видных генералов и штаб — офицеров разъяренные красные звери расстреляли всех за городом.

Даже перед смертью, когда Атаман знал хорошо свою участь, которая должна постигнуть его и других через 5–10 минут, он не терял бодрого духа и шел гордо, точно в смелый бой под Ростовом, не раскрывая своей болящей души никому и не стонал жалобным словом.

... За Казачью честь, за Родимый наш Дон.

За старинный уклад нашей жизни

Умирал Атаман, чтоб другие, как он,

Не жалели-б себя для Отчизны.

Вот пришли, стали в ряд, и передним он стал,

И не ведая смертных кошмаров, —

«Сволочь, пли!» — он скомандовал громко и пат...

Так погиб Анатолий Назаров.

Писал в свое время на смерть Донского Атамана его родной брат, а наш казачий поэт — И. М. Назаров.

Так «исполнил свой долг до конца» Рыцарь Долга и Чести, второй Донской Войсковой Атаман, герой и вождь Донского Казачества, ген. А. М. Назаров, чью светлую память мы сегодня и отмечаем.

Знайте, Казаки, и пусть знают это все, что Атаман Назаров ушел от нас лишь своим телом, дух же его, как одного из лучших борцов за Казачество, пребывает среди нас и неотступно греет наши казачьи души светлой надеждой на возрождение родного нам Казачества.

Спи же, наш славный Атаман, сладчайшим сном, а родная земля Донская пусть служит тебе пуховую периной! Мы тебя и твои добрые дела для Казачества — никогда не забудем во веки веков.

Слава Казачеству!

Слово хуторского атамана **И. Е. Сметанкина**: Братья казаки! Сегодня мы отмечаем 19-ю годовщину смерти шефа нашего хутора, второго Войскового Атамана Всевеликого войска Донского ген. А. М. Назарова, который погиб на своем посту, как верный часовой, от рук русских комиссаров в ночь на 18 февраля 1918 года. Он первый в эпоху нашей жизни показал собою достойный пример, как нужно любить Казачество и за него умирать. Как Христос пошел на Голгофу для страдания за грехи своего народа, так и наш Донской Атаман А. М. Назаров пошел на расстрел для того, чтобы своею невинною кровью искупить казачьи грехи и заставить их познать самих себя и сбросить большевистский дурман, опьянивший в те черные дни разрухи всех казаков — старых и малых. И, действительно, смерть, полная ужаса и кошмара, Атамана Назарова и его кровь настолько подействовала на шаткие души казаков, что они через полтора месяца после его смерти, действительно познали самих себя, познали, что они — казаки, а не русские, встали и освободили 1-го апреля столицу Дона — Новочеркасск, а потом очистили и всю территорию Донской земли.

И, если бы стояли тогда во главе Казачества такие Атаманы, как ген. Назаров, то мы бы сейчас не были за границей, а жили бы спокойно дома в своем родном государстве — Казаккии. Поэтому, имея ген. Назарова для нас, казаков националистов, должно быть превыше всего и дороже всего, как фигура великого казачьего патриота и неподкупного вождя Донских казаков, умершего на своем посту в грозное, тревожное время. Мы должны ежегодно чтить его светлую память и тем вспоминать его дела, сделанные им для Донского Казачества. Нельзя забывать такой величины и обходить ее молчанием.

Итак, заканчивая свое слово о смерти шефа нашего хутора — Атамана Назарова, я предлагаю еще раз пожелать ему «Царство небесное и вечный покой», а живых же вождей, «Назаровых», да сохранит Господь — Бог на многие лета для служения своей родине — Казаккии.

После ст. Сметанкина говорили и др. казаки, которые тоже подчеркивали заслуги Атамана перед Дон. Казачеством и соболезновали о его преждевременном уходе с поста Донского Атамана.

Заседание продолжалось до 9 часов вечера.

(Соб. корр.).

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	40 фр.	80 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bilyi: 109, rue Erlanger, Paris 16.